HARLEQUIN
016
Хелен Диксон
Предательство
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Хелен Диксон

Предательство

Серия «Исторический роман – Harlequin», книга 16

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4994904
Диксон Хелен Предательство: роман: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04083-1
Оригинал: HelenDickson, “Diamonds, deception and the debutante”
Перевод:
Е. Г. Толмачева

Аннотация

Полковник английской армии лорд Ланс Бингхэм вступил в неравный брак с очаровательной актрисой Дельфиной, а несколько минут спустя она умерла, произведя на свет их дочь Шарлотту. Полковник позаботился о девочке, но не желал ее видеть, считая малышку причиной смерти матери. Однако боль Ланса отступила, когда на одном из роскошных балов он встретил Изабеллу Эйнсли, покорившую его не только необыкновенной красотой, но и живостью и неожиданной в свете непосредственностью натуры. Изабелла также обратила внимание на красавца полковника. Но ее бабушка, графиня Харворт, категорически не желала видеть рядом со своей внучкой этого мужчину…

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 24
Глава 3 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Хелен Диксон
Предательство

Diamonds, Deception and the Debutante Copyright © 2010 by Helen Dickson
«Предательство» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013
© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Пролог

Июнь 1815 года

Небесные хляби разверзлись, жалящие дождевые потоки лишь усиливали страдания противостоящих друг другу армий, расположившихся лагерем в ожидании решающего сражения. Накануне французы атаковали британцев, принудив их отступить после произошедшей днем короткой, но яростной схватки. Английская армия с трудом удерживала свои позиции. Утром в расположение вернулся Веллингтон, устроив свой штаб у деревни Ватерлоо.

Именно здесь полковник Ланс Бингхэм получил записку от одного из подчиненных офицеров. Измятый клочок бумаги выглядел так, будто побывал во многих руках.

– Записку доставил какой-то парень, сэр, – отрапортовал офицер. – Это срочно, и он настаивал, чтобы я передал ее вам лично в руки.

Полковник Бингхэм развернул послание и быстро пробежал глазами. Он произнес лишь одно слово: «Дельфина». За исключением чуть напрягшегося подбородка, ничто в его лице не выражало и намека на эмоции.

– Мне необходимо кое-что предпринять.

– Но, сэр, что, если генерал Бонапарт…

– Не беспокойтесь. Я скоро вернусь. Отведите меня к этому парню.

Прекрасно сознавая, что за самовольное оставление поля боя он рискует пойти под трибунал, полковник Бингхэм тем не менее поскакал прочь из лагеря. Потоки дождя больно хлестали в лицо, однако он продолжал нестись галопом вслед за передавшим ему записку деревенским парнем, который довольно споро погонял свою невысокую, но быстроногую кобылку. Полковнику оставалось лишь молить Бога, чтобы слова, недавно сказанные им своему офицеру, оказались справедливыми и Бонапарт не атаковал первым еще до зари, не дожидаясь, по своему обыкновению, нападения противника.

Фермерский домик, к которому привели полковника, стоял неподалеку от грязной, раскисшей проселочной дороги. Это было скромное, непритязательное жилище, насквозь пропахшее никогда не выветриваемым острым запахом коровника и лошадиного навоза. Парень, оказавшийся сыном хозяина дома, спешился и указал полковнику Бингхэму на комнатушку, к которой вела ветхая деревянная лестница. Поднявшись по ней, полковник застыл на пороге. Жарко натопленная комната была скупо освещена огарком свечи, стоял резкий запах пота и крови, свидетельствующий о том, что роженица недавно разрешилась от бремени. На кровати лежала женщина, рядом с ней виднелся силуэт мужчины, в углу замерла молодая девушка в одежде служанки с ребенком на руках.

Стоявший у кровати мужчина повернулся и уставился на незнакомца, который, как показалось, заполонил все тесное помещение. Его взгляду предстал офицер в военном мундире, высокий, с крепкими, мускулистыми плечами, широкой грудью и узкой талией. Черты его лица, безусловно привлекательные, казались суровыми.

– Полковник Бингхэм?

Офицер кивнул, снимая форменную треуголку, лицо его продолжало оставаться неподвижным и угрюмым.

– Я преподобный Хью Уотсон – состою при армии его величества, – представился священник, отступая от постели и давая Лансу возможность войти в комнату. – Хвала Господу, вы пришли. Мисс Дженкинс уже не долго осталось. Когда принимавшая роды повитуха поняла, что молодая женщина не переживет рождения ребенка, мисс Дженкинс попросила позвать священника, чтобы исповедаться. Они послали за мной.

Окинув холодным взглядом раскрывшего молитвенник священника, полковник Ланс Бингхэм обратил внимание на его помятые, темные одежды, грязный воротничок, много-

дневную щетину и подумал, что, наверное, не встречал в своей жизни человека, менее похожего на священнослужителя.

Выражая очевидное нежелание приближаться к кровати, Ланс посмотрел на умирающую с того места, где стоял, и лицо его словно сковала непроницаемая маска. Последний раз он видел эту женщину семь месяцев назад и не узнавал теперь столь знакомое ему прежде лицо веселой и живой прелестницы, скрашивавшей его одиночество во время тяжелой Испанской кампании. Вся покрытая испариной, она лежала под одеялами, и ее влажные каштановые волосы разметались по подушке. Лицо сильно осунулось, покрылось восковой бледностью. Темные круги залегли под глазами.

Внезапно она словно почувствовала его присутствие, глаза ее открылись, и взгляд сфокусировался на его лице. Ее сердце забилось сильнее от любви и удивления его приходом. Едва заметная улыбка коснулась устало опущенных уголков губ.

– Ланс… ты пришел. – Женщина попыталась протянуть ему руку, однако, полностью обессиленная, не смогла пошевелить и пальцем.

Опустившись на колени перед скорбным ложем, Ланс взял ее руку и прижал к губам.

– Дельфина, скажи мне во имя Господа нашего, почему ты здесь? Я же просил тебя вернуться в Англию.

– Я так и поступила, но потом последовала за тобой в Бельгию – как уже однажды в Испанию, помнишь? Я… мне было не очень хорошо. Я думала, что не переживу рождения ребенка. Мне это удалось, но я знаю, что у меня осталось совсем мало времени, Ланс, но я от всего сердца рада снова видеть тебя.

– Мисс Дженкинс только что произвела на свет вашего ребенка, – холодно сообщил ему священник.

Полковник Бингхэм нахмурился, и на мгновение в глазах его отразилось потрясение.

– Моего ребенка? Это правда, Дельфина?

Она кивнула:

– Девочку. У тебя теперь есть дочка, Ланс. Прекрасная дочка.

Ланс понимал, что никогда в жизни не почувствует большего стыда, вины, презрения к себе и отчаяния, чем те, что охватили его в тот момент, когда он взглянул на отходящую в мир иной женщину, вернее, несчастную ее тень. Его прелестная подруга, очаровавшая его своими талантливыми выступлениями на лондонской сцене, последовавшая за ним в Испанию, не произнеся ни слова жалобы, не требуя от него ничего, не ропща на судьбу, сейчас прощалась с ним, умирая на этой жалкой постели в убогом фермерском домике.

Когда они встретились, ее свежесть и жизнелюбие были именно теми качествами, в которых столь сильно нуждался его пресыщенный вкус. Дельфина оказалась восхитительной любовницей. Она щедро утоляла все его плотские желания. Они непринужденно беседовали, смеялись, целовались, были близки. Прекрасно понимая, что из их связи ничего не выйдет, он не мог позволить Дельфине терять понапрасну драгоценные мгновения ее жизни и разорвал с ней отношения, убеждая себя, что поступает правильно и благородно. Однако ничто не могло подготовить его к дням и ночам, проведенным в тоске по ней, страстному стремлению ощущать нежность этой чудесной женщины в своих объятиях.

– Дельфина, я должен спросить…

– Ребенок твой, – со всей убедительностью заверила она. – Никогда в этом не сомневайся. У меня больше никого не было. Никто не мог бы сравниться с тобой.

Он прижался лицом к ее руке.

– Господь Всемогущий, почему же ты поступила со мной так жестоко? Почему ничего не написала? Я бы примчался к тебе, Дельфина. Я бы не позволил тебе испытать все это в одиночку.

– Прости меня. Я не знала, что мне делать. Я… я думала, ты ненавидишь меня… что ты погонишь меня… мне некуда было идти. Я не могла вернуться домой и должна была что-нибудь предпринять… Поэтому приехала в Бельгию… разыскать тебя.

– Ты боялась меня? – В его мягком голосе звучало страдание. – Ты боялась сказать мне? Неужели я такое чудовище, Дельфина?

– Нет… – Несчастная вздрогнула и сжала его руку, глаза ее затуманили слезы.

Ланс чувствовал, как его сердце наполнилось ее болью. Он бы отдал все на свете, чтобы знать, как утешить ее, уверить, что никогда не покинет. Да, он, Ланс Бингхэм, прекрасно сознавал, что вел себя как самонадеянный мерзавец, как эгоист, потакавший только своим желаниям, нуждам и потребностям. Но эмоции и страдания этой женщины словно пробудили его, и чувство божественной сладости, исходящее от нее, равного которому Бингхэм не испытывал никогда в жизни, буквально переполняло его душу.

– Не плачь, любовь моя, – прошептал он. – Я сейчас здесь. Ты со мной в безопасности, и так будет всегда.

– Иди посмотри на свою дочь, Ланс. Ты сразу поймешь, что она твоя.

Ланс сделал так, как она его просила, поднялся, чтобы взглянуть на воплощенное в плоть и кровь свидетельство их любви. Сердце яростно билось у него в груди. Кормилица приоткрыла пеленки, скрывавшие лицо младенца. Это был его ребенок, и он почти боялся взглянуть на новорожденную дочь, не зная, что почувствует при этом. Наконец, Бингхэм заставил себя посмотреть в лицо младенцу, побуждаемый силой, природу которой не понимал и сам. Ланс не отводил взгляда, и это маленькое создание, широко открыв глаза, потянулось к нему, прежде чем заснуть на груди кормилицы.

В лице новорожденной он увидел черты своей матери и свои собственные – высокий лоб с выдающейся треугольником линией волос, характерно посаженные глаза, черные изогнутые брови, маленькую ямочку на круглом подбородке, курчавую прядь волос на макушке, черных, как и у него самого.

Полковник Бингхэм вернулся к кровати:

– Она прекрасная девочка, Дельфина.

– Да, прекрасная крошечная девочка. Я назвала ее Шарлоттой – в честь моей матери. И как ее отец… ведь ты… ты будешь о ней заботиться и защищать ее? У нее больше никого нет.

Ланс кивнул, чувствуя, как комок подступает к горлу:

– Я обещаю тебе, что окажу всяческую поддержку, необходимую для ее подобающего воспитания. Но… что я могу сделать, чтобы облегчить твои страдания? Хоть что-нибудь?

– Вы можете совершить благородный и истинно джентльменский поступок, женившись на мисс Дженкинс, сэр, – решительно, с искренним убеждением в голосе предложил священник. – Ребенок незаконнорожденный, и печать греха и позора будет преследовать девочку всю жизнь. Если же она станет вашей законной дочерью, будущее ее спасено.

Ланс на несколько мгновений потерял дар речи. Прежде ему представлялось невозможным, немыслимым взять Дельфину в жены. Его положение в обществе налагало определенные обязательства, весь свет, да и его собственная семья не потерпели бы супругу с такой репутацией, бывшую актрису. Однако то, что происходило сейчас, меняло все. Переводя взгляд с Дельфины на младенца, он никогда еще не ощущал большего груза ответственности, чем тот, что давил на него сейчас. Честь и совесть не позволяли ему оттолкнуть Дельфину и их ребенка как нечто бесполезное и ненужное.

Сохраняя полное хладнокровие, не выказывая и намека на обуревавшие его эмоции, Ланс заметил:

– Ты хочешь этого, Дельфина?

Она кивнула, слеза скатилась из уголка ее глаза и быстро впиталась в подушку.

– Ради нашей дочери. Я умираю, Ланс, поэтому не стану тебе обузой, и ты сможешь вести прежнюю жизнь, отправляться куда пожелаешь. Мне осталось недолго. Ты это сделаешь… для меня?

– Я горжусь, что ты станешь моей супругой, Дельфина, – хрипло произнес Ланс. Он взглянул на священника: – Приступайте.

Хозяин дома и его супруга выступили свидетелями, жених и невеста обменялись клятвами, и младенец издал истошный крик, когда священник объявил новобрачных мужем и женой.

Дельфина улыбнулась и закрыла глаза.

– Теперь ты можешь идти, Ланс. Ничего больше не поделаешь.

Все так и случилось. С последним вздохом ее голова откинулась на подушку.

Ланс неотрывно смотрел на нее, не в силах поверить, что эта милая, сладкая женщина, столь недолгое время бывшая его возлюбленной, умерла. «Господь милосердный», – взывал молодой супруг, так скоро ставший вдовцом. Агония, которой он стал свидетелем, разбила его сердце.

Священник подошел к Дельфине и приблизил ухо к ее груди. Выпрямившись, он скорбно покачал головой.

Не проявляя внешне своих чувств, Ланс подписал необходимые бумаги и протянул священнику деньги на погребение, пожелав, чтобы его супругу похоронили на погосте во дворе местной деревенской церквушки. С каменным лицом и пустым, безжизненным взглядом полковник Бингхэм обратился к молодой женщине, держащей на руках младенца.

– Ты англичанка?

– Да, сэр.

– Как тебя зовут?

– Мэри Грей, сэр. Мой малыш умер шесть дней назад, и повитуха, помогавшая вашей жене, позвала меня, чтобы я покормила вашу дочь.

– А твой муж?

– У меня нет мужа, сэр. Мой мужчина умер прежде, чем я родила.

– Понимаю. – Он задумался, внимательно рассматривая кормилицу. По крайней мере, она выглядит опрятной и у нее грамотная речь. – Ты сможешь и дальше кормить малышку и доставить ее в Англию по адресу, который я тебе назову? Тебе хорошо заплатят за хлопоты. Я пошлю кого-нибудь в сопровождение, а также вручу письмо для моей матери.

– Да, сэр.

Священник подошел к нему, покинув свое место у смертного одра.

– Полагаю, вам нет нужды больше здесь оставаться, полковник. Я обо всем позабочусь.

– Благодарю вас. Я должен вернуться в расположение войск. Скоро начнется сражение. Завтра многих настигнет смерть. Ваш долг быть с нами, и ваша забота и утешение также понадобятся страждущим.

Ребенок снова заплакал. Полковник взглянул на него и быстро отвернулся, словно не в силах вынести вида новорожденной дочери, стараясь подавить подспудно поднимающийся гнев против невинного создания – младенца, чье появление на свет стало причиной смерти матери. Испытывая злость и неумолимую ярость, не понимая причин своего состояния, с абсолютно бесстрастным лицом, не оборачиваясь, полковник Бингхэм покинул убогий приют.

Мэри Грей заметила выражение его лица и взгляд, брошенный отцом на свое дитя. Она поняла его смысл. Мужчина винил ребенка в смерти матери, однако добрая женщина решила, что проблема как-нибудь решится сама собой. К сожалению, в этом кормилица ошибалась.

Ланс поспешил на позиции, молитвенно взывая, чтобы бой поскорее начался и он мог забыться в горячке битвы, выбросить все мысли о том, что сейчас произошло, – вычеркнуть из своего сознания тот непреложный факт, что у него теперь есть дочь.

Глава 1

– Ах, мисс Белла, я просто не знаю, что мне с вами делать. Ваша бабушка уже давно ожидает вас в столовой, а она не любит ждать. Поспешите же. Вы прекрасно выглядите, в самом деле.

Изабелла Эйнсли, резко повернувшись, отпрянула от зеркала, ее блестящие зеленые глаза горели огнем едва сдерживаемого гнева.

– Ради всего святого, Дейзи. Мне уже девятнадцать лет, не следует меня подгонять. И я не сочту, что выгляжу прекрасно, пока сама не буду удовлетворена своим видом.

Дейзи удивленно покачала головой, невозмутимо наблюдая за очередным взрывом эмоций своей темпераментной хозяйки.

Наконец, взметнув вихрь атласа и кружев, своевольная красавица вылетела в распахнутую дверь комнаты, пронеслась по лестнице в совсем не подобающей леди манере, вызвав своим появлением на лицах лакеев целую гамму улыбок и усмешек. Слуги оторвались от привычных обязанностей, наблюдая за дерзкой внучкой вдовствующей графини. О, она действительно казалась чудной и поразительной, эта мисс Изабелла. Недавнее появление внучки из Америки в затхлой тишине родовой усадьбы пожилой графини Харворт вызвало немало шума и нарушило привычное течение годами выверенного уклада жизни, заставляя не только прислугу удивляться, но и повергать в растерянность чопорную хозяйку дома. А сейчас графиня пребывала в крайней степени возмущения, вынужденная ожидать внучку к столу.

Войдя в столовую, Белла уже приготовила себя к неприятной сцене. Ее бабушка поднялась со стула, стискивая в руке золотой набалдашник трости. В свои семьдесят два года графиня Харворт по-прежнему оставалась привлекательной женщиной с ухоженными седыми волосами, элегантной, царственной осанкой, с надменной, несгибаемой уверенностью в себе и самообладанием, воспитанным в ней годами, проведенными в высшем лондонском свете.

– Добрый вечер, Изабелла, – промолвила она, с неодобрением взирая на наряд, выбранный ее внучкой, совсем не новый и весьма далекий от туалета, приличествующего девушке из благородного английского семейства к ужину. Чем скорее прибудет сюда ее портниха, чтобы сшить Изабелле новый гардероб, тем лучше. – Ты опоздала. Надеюсь, тебе есть что сказать в свое оправдание?

– Мне очень жаль, бабушка. Мне вовсе не хотелось вас расстраивать. Я просто никак не могла решить, какое платье надеть. В итоге выбрала это, поскольку мне очень нравится его цвет и оно неплохо на мне сидит. Вы могли бы начать ужинать без меня. Вовсе не следовало меня ждать.

Пожилая женщина окинула ее ледяным взглядом:

– В этом доме мы ужинаем вместе, Изабелла, и мне совсем не нравится ждать. Сколько раз я говорила тебе о том, что неукоснительно настаиваю на соблюдении во всем пунктуальности? Слава богу, сегодня нет гостей. Ты сильно огорчила повара, который безуспешно пытался сохранить ужин аппетитным и теплым.

– О, в этом случае мне обязательно следует перед ним извиниться, – чистосердечно заметила Белла, не в силах понять, почему ее бабушка делает так много шума из ничего. – Я вовсе не хотела никого расстраивать. Мне было бы проще самой взять свою порцию с кухни.

– А это уже совсем другое дело. Ты не должна исполнять работу, которая больше приличествует слугам. – Графиня вздохнула, устало покачав головой. – Тебе следует так многому научиться, что я просто не знаю с чего начать.

– Но мне нравится быть чем-нибудь занятой, – заметила Белла, улыбаясь взволнованной пожилой леди.

– Я еще посмотрю, что ты собой представляешь, – я имею в виду твое будущее место в жизни, хотя уже сейчас сознаю, насколько сложен и неподатлив твой характер.

– Папа, несомненно, с вами согласился. Я всегда приводила его в отчаяние. – При мысли об отце, скончавшемся всего два месяца назад, Белла ощутила комок в горле, и ее прекраснее глаза заволокло пеленой слез. – Мне так его не хватает.

– Мне тоже. – Потускневшие голубые глаза казались невозмутимыми, однако внезапно появившаяся в голосе графини хрипотца сказала Белла, что пожилая леди глубоко скорбит о смерти своего второго сына. – Он пожелал, чтобы ты отправилась в Англию и получила воспитание, достойное настоящей леди, однако, я вижу, мои старания остаются напрасными.

Белла проглотила застрявший в горле ком. Какой же сложной внезапно стала ее жизнь и как тяжело оказалось покинуть любимый Чарльстон[1] и отправиться в Лондон! Она очень скучала по родным местам. Удастся ли ей когда-нибудь привыкнуть к жизни в Лондоне? – задавала себе вопрос Изабелла. И как же ей не нравилось жить согласно строгим бабушкиным правилам, в то время как отец позволял ей быть дома свободной, как птичка. Задача стать той леди, каковой ее желала видеть вдовствующая графиня, представлялась Белла пугающей и, совершенно очевидно, невыполнимой.

Изабелла взглянула на бабушку широко распахнутыми зелеными глазами.

– Я уверена, что, должно быть, ужасно разочаровала вас, бабушка, но постараюсь больше этого не делать.

Графиня понимала, что почти ничего не добилась в деле воспитания внучки. Манеры девушки были далеки от изящных – Изабелла почти не умела правильно вести себя в светском обществе. Ее внучка была гордой и сильной и, очевидно, намеревалась следовать своим собственным правилам поведения, однако и графиня не собиралась сдаваться.

Белла подошла к длинному столу и подождала, пока Госфорт – дворецкий, обладавший, по-видимому, привычкой появляться ниоткуда и столь же незаметно исчезать, не усадит должным образом ее бабушку, а потом отодвинула свой стул и заняла место за столом, удостоившись еще одного неодобрительного взгляда пожилой леди.

Графиня взглянула на дворецкого:

– Мы готовы начать ужин, Госфорт, теперь, когда моя внучка наконец-то соизволила ко мне присоединиться. Я полагаю, нам также предстоит вскоре удостовериться, насколько успело остыть мясо.

Белла вздохнула и скромно сложила руки на коленях. Вечер определенно не задался с самого начала. Если бы только она могла хоть как-то отвлечься. Изабелла была готова на все, чтобы только не оставаться дома в компании своей чопорной бабушки, твердо вознамерившейся во что бы то ни стало обучить лишенную всяческого светского лоска американскую внучку манерам и обхождению, подобающему молодой английской леди из высшего общества. Однако все попытки Беллы обуздать природную живость и неугомонность и попытаться вести себя сдержанно пропали втуне.

Ей уже удалось, при полном неведении вдовствующей графини, привлечь сомнительное внимание нескольких любопытствующих местных кавалеров во время своих ежедневных верховых прогулок по поросшим вереском безлюдным пустошам. Среди них был один беспутный молодой повеса по имени Карлтон Робинсон, само появление в компании которого грозило невосполнимым ущербом репутации благонравной юной леди. Как-то раз молодой человек заметил совершавшую прогулку верхом Изабеллу и, воспользовавшись тем, что прекрасной незнакомке удалось избавиться от надоедливого общества грума, кото-

[1] Ча́рльстон – город в юго-восточной части штата Южная Каролина, США.

рый безнадежно старался поспеть за несущейся как молния наездницей, представился ей и предложил свое общество.

Карлтон Робинсон никогда не встречал женщин, подобных юной американской красавице, и вскоре уже попал под власть ее огромных притягательных зеленых глаз. Для наивной Изабеллы общество молодого человека было лишь средством справиться с буквально снедавшей ее скукой, и, когда она полностью покорила мистера Робинсона, игра перестала доставлять ей удовольствие. Белла попыталась избавиться от уже порядком надоевшего поклонника, совершенно не представляя себе всех последствий связи с этим джентльменом в глазах общества.

Изабелла тяжко вздохнула, сделав большой, возмутительно неприличный глоток вина, искренне желая, чтобы вечер поскорее завершился и она могла бы скрыться в своей комнате. В довершение всех бед говядина оказалась пережаренной.

На следующее утро графиня стояла у окна своей спальни, любуясь садом, и вдруг заметила изящную фигуру скачущей галопом внучки – шляпа сброшена, непокорные локоны разметались по ветру, а бедняга грум остался где-то позади, на далеких пустошах.

К несчастью, именно этим утром одна из приятельниц графини поспешила поведать ей о скандальной истории, связанной с именем молодой мисс Эйнсли, в которой, по слухам, ее внучка повинна целиком и полностью. Графиня была возмущена поведением несносной девчонки. Даже в самых страшных своих кошмарах пожилая дама не могла представить, что прелестная неопытная девушка окажется уличенной в предосудительном поведении и связи с молодым человеком, связи, о которой непременно примется судачить весь Лондон. И все это накануне ее первого выхода в свет. Да еще с кем! С Карлтоном Робинсоном! Пожилая леди немедленно призвала Изабеллу к себе в комнату.

Верной Дейзи удалось разузнать о порочащих ее хозяйку слухах, и горничная предупредила Беллу, чтобы та не ждала от бабушки снисхождения. Наивная и неопытная американка вовсе не была готова к знакомству с молодыми людьми с репутацией Карлтона Робинсона. Не желая оказаться в дураках по вине невежественной американской девчонки, он позволил себе распустить язык и выставил Изабеллу в самом нелестном свете. Светский хлыщ со смехом поведал своим приятелям, что юная американка – трогательная простушка из диких прерий, однако теперь, когда он завоевал ее, в его намерения вовсе не входит женитьба.

Беллу терзали самые жуткие предчувствия, когда она вошла в комнату вдовствующей графини. Выслушав все, что ей высказала бабушка, которая даже не пыталась скрыть охвативший ее гнев и разочарование, Белла готова была сгореть от стыда и глубоко терзалась раскаянием за свои необдуманные, легкомысленные поступки.

– Я не желала, чтобы произошло нечто подобное. Я ничего не знала.

– Ты еще много чего не знаешь. Девочка, недавно приехавшая из Америки, совершенно незнакомая с обычаями и манерами лондонского светского общества – да он просто счел тебя легкой добычей. – Пожилая дама покачала головой, обвиняя себя в том, что предоставила Изабелле слишком много свободы. – Я признаю, что ты находишься в полном неведении относительно положения дел в английском свете, Изабелла. Карлтон Робинсон самодовольный хвастун и самый распутный негодяй и подлец в городе. Оскорбленный твоим отказом, он попытался разрушить твою репутацию самым жестоким и возмутительным образом, желая сделать тебя парией еще до того, как состоится твой дебют.

– Я так сожалею, бабушка, – пролепетала Белла прерывающимся голосом, испытывая самое искреннее раскаяние. – У меня ужасные манеры и полностью отсутствует женская утонченность. Что же мне делать?

Сердце графини смягчилось при виде прелестной, смущенной девочки, дочери ее младшего сына.

– Мы поступим так, как всегда поступали Эйнсли, Изабелла, – мягко заметила она, – и стойко выдержим этот скандал. Будем надеяться, что к тому времени, когда состоится твой дебют, все эти мерзкие слухи позабудутся.

Так было положено начало светскому воспитанию Изабеллы – вдовствующая графиня Харворт принялась лепить из безыскусной, наивной американской девчонки утонченную и респектабельную английскую молодую леди. Натуре Изабеллы было несвойственно здравомыслие или склонность к соблюдению жестких правил приличия, ее свободолюбие и непокорность следовало обуздать. Она ничего не знала о моде, и еще меньше это ее заботило, однако девушка оказалась хорошо обучена многим другим предметам. Она говорила на блестящем французском, читала по-гречески, знала латынь и имела явные склонности к математике.

Мисс Бертрэм, женщина с безупречным характером и репутацией, должна была прибыть сегодня, чтобы обучать Изабеллу премудростям светского этикета. Лондонский сезон начинался всего через несколько недель. Графиня искренне надеялась, что Изабелле хватит времени выучить все необходимое для того, чтобы дебютировать в свете и приготовиться к сезону. А пока графиня стала вывозить внучку в театр, где ее можно было увидеть, но нельзя приблизиться. За исключением этих поездок Изабелла ни с кем не общалась.

* * *

Дом ее бабушки, расположенный неподалеку от Хампстедских пустошей, казался Изабелле особенным, не похожим на все виденные ею прежде. Неискушенная девушка была буквально заворожена его великолепием – внушительным, но совсем не строгим. Графиня останавливалась в этом доме, когда приезжала в Лондон, предпочитая мир и спокойствие загородной жизни городскому шуму. Да и сам воздух казался здесь чище. Родовое имение Харворт-Холл располагалось в месте под названием Вилтшир.

Сразу после приезда в Англию Белла противилась всем попыткам бабушки заставить ее подчиниться своей воле. Графине было трудно угодить, пожилая дама казалась чрезмерно властолюбивой. А мятежная духом Изабелла всегда поступала так, как ей вздумается, и была внутренне не готова проститься со свободой в угоду жестким требованиям этикета и традиционным английским обычаям. Однако теперь «истерики», как именовала вдовствующая графиня резкие всплески темперамента молодой девушки, прекратились. Белла прекрасно отдавала себе отчет в своем плачевном положении, и ею руководила стальная решимость изменить себя.

Мадам Хэймелин, личная портниха графини Харворт, прибыла в сопровождении двух белошвеек, чтобы изготовить для Изабеллы достойный ее высокого положения изысканный гардероб. Работая с Беллой, портниха неустанно продолжала восхвалять красоту юной американки, ее естественную грацию и отличную осанку. Изабелла позволила себе полностью отдаться заботам мадам Хэймелин и ее девушек и дать им измерять себя, закалывать, примерять и сметывать многочисленные наряды, пока портнихе не удалось добиться желаемого совершенства.

Следующим в доме появился учитель танцев, который прокружил Беллу по комнате в нескольких турах вальса и, к облегчению графини, объявил, что ее внучка далеко не безнадежна, а, напротив, обладает прирожденными способностями.

Накануне дебюта Изабеллы, несмотря на то что молодой леди предстояло еще многому научиться, а упрямство и своеволие строптивицы не были до конца побеждены, ее бабушка вздохнула спокойно, убедившись, что внучка готова к выходу в свет. Оставалось надеяться, что скандал, вызванный краткой и абсолютно невинной связью с Карлтоном Робинсоном, будет забыт.

Ланс Бингхэм застонал и с трудом поднялся с постели. Дотянувшись до кувшина с водой, плеснул его содержимое себе на голову, приподнялся и посмотрел в зеркало. Он чувствовал себя так же ужасно, как и выглядел. Мутные, покрасневшие глаза, покрытый темной щетиной подбородок. Ланс с трудом сделал глубокий вдох, чтобы попытаться прогнать из головы алкогольный туман. На ходу вытирая голову полотенцем, он подошел к окну и открыл его, вдыхая свежий воздух парижского утра.

Сегодня его военная карьера завершилась. Ему предстоит скорое возвращение домой в Англию – событие, которое совсем не доставляло ему радости, принимая во внимание все, с чем придется столкнуться на родине. Бингхэму казалось, что вместе с Дельфиной он похоронил и часть себя самого. Сердце его было закрыто для любой женщины – в том числе и для дочери, чье рождение забрало у него ту единственную, которой удалось тронуть его гордую и самолюбивую натуру.

Многие годы, проведенные на военной службе, им руководило авантюрное стремление к опасности, волнующее предвкушение горячки близкого боя, однако страшные образы войны и потеря друзей оставили в его душе шрамы. Не так просто начинать жизнь заново. И хотя у него было все – происхождение, эффектная внешность, состояние, – Бингхэм не мог не сожалеть о прошлом, о своей военной карьере, об ужасной кончине Дельфины, от вины за которую ему не избавиться до конца своих дней. Ланс чувствовал себя изнуренным горькими думами, настороженным и одиноким.

Чувственная рыжеволосая француженка, лежавшая в его постели, пробудилась и приподнялась на локте. Все ее тело казалось напряженным и сладостно ныло после страстного занятия любовью с бравым офицером. Она внимательно посмотрела на смуглого, привлекательного мужчину, внешность которого портило лишь написанное на лице оскорбительно циничное выражение. Офицер стоял вполоборота, прислонившись к окну, словно что-то высматривая перед собой. Во взгляде его любовницы было написано обожание, плоть ее трепетала от желания при виде его худощавого, мускулистого тела. Она скользнула затуманенным взором по его широкой грудной клетке, стройному торсу, каждый дюйм которого являл грубую мужскую силу и неприкрытую сексуальность.

Его скрытая, почти животная чувственность потрясла ее.

– Возвращайся в кровать, – хрипло прошептала она, надеясь на продолжение страстных удовольствий, однако Ланс Бингхэм, похоже, не слышал обращенной к нему просьбы. – Пожалуйста, – продолжала настаивать нетерпеливая красотка, медленным, соблазнительным движением проведя рукой по своим роскошным волосам.

Он повернулся и бесстрастно посмотрел на рыжеволосую прелестницу:

– Оденься и ступай прочь.

– Что? Разве я не удовлетворяю вас, милорд? – Она соблазнительно улыбнулась, приспустив простыню и открывая свои пышные груди, надеясь, что их вид вернет красавца офицера в ее объятия. – Тебе же понравилось, так?

Ее ленивый, чуть хрипловатый голос был полон невысказанных обещаний. Мягкая, зовущая улыбка коснулась ее губ, но Ланс оставался безучастным. Он ненавидел распутных женщин, однако эта француженка так и лучилась страстью, а ее полные, зрелые формы и горящие глаза обещали знакомство с искусством физической любви и умение возбудить и удовлетворить мужчину. Прошлой ночью Бингхэм позвал ее в свою комнату, и красотка с

радостью воспользовалась его приглашением. Теперь же даже вид ее вызывал у него тошноту, и больше всего ему хотелось поскорее избавиться от своей случайной любовницы.

– То было прошлой ночью. Я был пьян, а теперь протрезвел, и мне уже не так скучно, чтобы вновь с тобой спать.

Девушка бросила на него сердитый взгляд.

– Почему… ты… ты – ублюдок, – прошипела она.

Он одарил ее еще одним циничным взглядом:

– Если тебе нравится оскорблять меня, пожалуйста, продолжай. Со своей же стороны приношу извинения, если тебя расстроил. В конце концов, ты привлекательная женщина, а я оказался далеко от дома и чувствовал себя чертовски одиноким. Чем бы это ни было, все кончено. Теперь пошевеливайся.

Она уже хотела ответить, однако один взгляд на офицера-англичанина заставил ее испугаться впервые за то время, как она вошла в эту комнату. В его горевших в утренней полумгле лихорадочным блеском глазах бурлили странные и опасные эмоции. Француженка потеряла дар речи. Прошлой ночью под воздействием вина и вожделения он показался ей безобидным малым, однако сейчас полковник представлялся совсем в ином свете. Безжалостный, равнодушный, наделенный железной волей.

Не обращая больше на женщину внимания, Ланс повернулся к окну и уставился на толпы людей, снующих по широкому, омытому ночным дождем бульвару. Красотка отбросила одеяло и потянулась за своей одеждой. Не успела она покинуть комнату, как он уже полностью выбросил случайную дамочку из головы, будто ее никогда и не было.

Изабелла сидела за туалетным столиком перед зеркалом. Казалось, ожидание длилось часами. Она наблюдала за тем, как Дейзи тщательно укладывает ее непослушные волосы. Белла задумчиво перебирала пальцами бриллиантовое ожерелье, которое только что застегнула Дейзи. Капельки бриллиантов поблескивали в ее ушках, сверкающее двумя рядами камней ожерелье охватывало изящную шею. Огромный, овальной формы редкий бриллиант покоился в соблазнительной ложбинке на груди. Камни казались тяжелыми, холодными и удивительно прекрасными. Ожерелье принадлежало бабушке, и с ним была связана какая-то таинственная и загадочная история – графиня не надевала эти бесценные бриллианты уже почти пятьдесят лет.

Белла улыбнулась своему отражению в зеркале. Ее задумчивая, проказливая улыбка должна бы была насторожить любого, знакомого с озорным и непокорным характером Изабеллы Эйнсли.

– Могу ли я уже снять его, мисс? – спросила Дейзи.

Графиня согласилась дать примерить внучке знаменитое украшение. Вручив его мисс Белле, пожилая леди отвлеклась на хлопоты, связанные с предстоящим вечером, строго наказав положить бриллианты в шкатулку, которую следовало обязательно вернуть ей до отъезда на бал, даваемый принцем-регентом в Карлтон-Хаус.

– Нет, Дейзи. – В глазах Беллы поблескивали озорные чертики неповиновения, однако она не выдала своих истинных чувств, продолжая сосредоточенно поглаживать бриллианты. – Мне кажется, я должна надеть их на сегодняшний бал. В конце концов, какой смысл в обладании прекрасными драгоценностями, если их никто и никогда не увидит? Ты согласна?

– О да, мисс. Но ваша бабушка… Ах, мисс, – взволнованно и испуганно пробормотала верная Дейзи, покачав прелестной головкой в скромном чепчике, – она выгонит меня, если я не верну бриллианты на место, – гнев ее будет страшен.

– Но ведь ты же вернешь их, Дейзи. Я обещаю тебе. Только после бала в Карлтон-Хаус. У бабушки сейчас столько хлопот, что она даже не заметит недолгого отсутствия драгоценностей.

– Но она же увидит их на вас, когда придет время выезжать. Она никогда не позволит…

– Дейзи, не имеет значения, что она увидит или что позволит, – резко заметила Белла, поднимаясь со стула. Сквозь полупрозрачную ткань легкой блузки просвечивали нежные холмики упругой груди. – Ожерелье будет спрятано под накидкой, и бабушка не заметит его, пока мы не доберемся до Карлтон-Хаус. Верь мне, Дейзи. Все будет хорошо.

Белла взглянула на кровать, где аккуратно лежало ее бальное платье, и подумала о том, как переливающийся бирюзовый шелк подчеркнет сияние бриллиантов, как заблестят ее густые, каштановые с рыжеватым отливом волосы.

– А теперь, пожалуйста, помоги мне надеть платье.

Завершив туалет и расправив последние складки на безупречно сидящем бальном наряде, Белла посмотрела на свое отражение в зеркале:

– Ну что? Что ты думаешь, Дейзи? Хорошо?

– Просто великолепно, мисс Белла. Любому мужчине, пусть даже он совсем маразматик, достаточно одного взгляда на вас, и сердце его будет разбито. Да даже у самого принца-регента.

Белла радостно улыбнулась:

– Ну, это вряд ли, Дейзи. Принца окружает столько ослепительных дам, что он едва ли обратит внимание на никому не известную американскую девушку.

– Не будьте столь в этом уверены, мисс. Возможно, принц Георг уже и не такой привлекательный, как был раньше, – его непомерный аппетит тому виной, – но он производит сильное впечатление в своем роскошном военном мундире. Принц все еще восхитителен и очарователен, кроме того, у него хороший глаз на прелестное личико.

Вскоре все приготовления к балу были завершены. Графиня послала за внучкой, и Дейзи аккуратно надела на плечи юной красавицы бархатную накидку, скрывшую бриллиантовое ожерелье. Белла быстро сбежала по лестнице к парадному входу, где ее уже поджидала вдовствующая графиня.

Изабелла была в предвкушении бала и встречи с фактическим правителем Британии. Принц-регент Георг считался превосходным хозяином и обожал балы и развлечения. Весь высший лондонский свет стремился попасть на устраиваемые им приемы.

Белла испытывала самые радостные предчувствия, ощущая себя по-настоящему веселой и беззаботной. Она столько ждала этого события, что готова была насладиться каждой минутой праздника.

Прибыв заранее и принуждая себя проявить хоть немного энтузиазма в преддверии приема у принца-регента, приема, обещавшего, по его мнению, быть претенциозным и невообразимо скучным, лорд Ланс Бингхэм прохлаждался в тени высокой стены в ожидании своего хорошего друга – сэра Роланда Гиббона.

При виде блестящей черной кареты с гербами Эйнсли на дверях его бровь лениво поползла вверх. Он с интересом наблюдал, как ливрейный лакей спустился с подножек, чтобы помочь выйти дамам. Первой появилась вдовствующая графиня Харворт, за ней показалась молодая женщина, опершаяся на руку слуги и позволившая ему помочь ей спуститься.

– Благодарю вас, Денис, – послышался ее голос.

– Осторожнее, мисс Изабелла.

Мисс Изабелла! Так это и есть та самая недавно приехавшая из Америки Изабелла Эйнсли, подумал лорд Бингхэм. Кто же еще? Это была именно та девочка, о которой говорил весь лондонский свет, молодая женщина, не терявшая по приезде времени и успевшая стать причиной скандала из-за своей, в высшей степени несчастливой, связи с молодым Карлтоном Робинсоном, одним из самых знаменитых лондонских повес, позора и отчаяния бедного отца.

Заинтригованный, Ланс принялся открыто ее рассматривать. Молодая леди полностью завладела его вниманием. Ее холодная, женственная красота была совершенна. Мисс Эйнсли казалась, безусловно, самой потрясающей женщиной, которую доводилось встречать лорду Бингхэму.

Ланс стоял и смотрел, как молодая Изабелла Эйнсли сделала несколько шагов, ступая позади графини. О, какая же это походка – казалось, она просто скользит по воздуху, движения ее совершенного тела были удивительно женственны, обутые в роскошные туфельки ножки едва касались земли!

Когда дамы исчезли за высокими коринфскими колоннами парадного входа во дворец, лорд Бингхэм, нахмурившись, сменил позу и прислонился плечом к стене. Да куда же запропастился этот дьявол Роланд? – задавал себе вопрос Ланс, терпение которого было уже на пределе. Он уставился в мерцающие глубины надетого на палец рубина. Излучая благородное сияние, камень словно побуждал его к действию. Лорд Бингхэм распрямился, расправил складки красного офицерского мундира и неторопливыми шагами направился к ярко освещенному входу.

Расстегнув бархатную накидку, Белла мысленно приготовила себя к бабушкиному гневу. Графиня окинула внучку внимательным взглядом. На мгновение Изабелла пожалела о своем импульсивном решении надеть бриллиантовое ожерелье, с ужасом думая о готовой разразиться буре. И та не замедлила последовать. Едва заметив на шее внучки бриллианты, графиня резко подалась вперед, лицо ее приобрело жесткое выражение.

– Я дала тебе ожерелье, Изабелла, будучи уверенной, что ты вернешь его мне, как я тебе и велела. Я вовсе не желала, чтобы ты его носила. Как ты посмела мне перечить? Как только посмела?

– Бабушка… я… я сожалею.

– Не думала, что ты еще способна потрясти меня.

– Я вовсе не хотела. Я… я не видела никакого вреда в том, что надену это ожерелье – оно такое прекрасное, и повод показался мне подобающим. – Белла потянулась руками к застежке. – О, конечно, если я вас рассердила, я сниму его…

– Не трогай, – резко бросила графиня, и ее тон заставил Беллу мгновенно опустить руки. – Теперь уже слишком поздно. Если ты сейчас снимешь бриллианты на глазах у всего света, это только породит дополнительные нежелательные слухи. Можешь оставить себе ожерелье. На этот раз ты просто превзошла себя. Я чрезвычайно тобой недовольна, Изабелла, чрезвычайно. – Графиня отвернулась, чтобы поздороваться с приятельницей, при этом ее лицо озарилось невозмутимой улыбкой, хотя внутренне она содрогалась от негодования, вызванного проступком внучки.

Вздохнув с облегчением оттого, что гроза миновала, а ожерелье все еще остается на месте, Белла застыла в ожидании неминуемой вспышки всеобщего интереса к своему появлению. Как обычно, начались перешептывания, и она оказалась окруженной толпой молодых людей, очевидно полагавших, что у них есть шанс покорить сердце американской внучки вдовствующей графини Харворт.

Титул самой прекрасной дебютантки сезона и привилегия считаться желанной партией на лондонской ярмарке невест стали почетной наградой для юной девушки, всего лишь недавно прибывшей в Лондон из далекой Каролины. Ко всем прочим достоинствам юной мисс Изабеллы добавлялся и тот факт, что счастливчик, которому удалось бы взять ее себе в жены, получал приданое настолько щедрое, что оно существенно повысило бы его положение в обществе. Неудивительно, что и дня не проходило без очередного предложения руки, обращенного к бабушке Беллы.

Поправляя перчатку, которая слегка сползла вниз, Белла подняла глаза и случайно столкнулась взглядом с незнакомцем. На его неприлично красивом лице застыло выражение смертельной скуки, которое моментально испарилось, едва он встретился глазами с Изабеллой. Она не могла точно сказать, что именно привиделось ей в его лице – восхищение, удивление, да, но было в нем и нечто другое, нечто дикое и необузданное, что пробудило в ней неведомые прежде эмоции и заставило залиться алым румянцем.

Он был смуглым, таким же смуглым, как населявшие прерии коренные жители Америки. Выражение его лица казалось спокойным и хладнокровным – совершенно очевидно, этот красавец привык к устремленным на него восхищенным взглядам. Его коротко подстриженные волосы были черными как вороново крыло. Однако больше всего ее внимание привлекли его глаза, сиявшие в обрамлении длинных черных ресниц. Словно по контрасту с опаленным жарким южным солнцем лицом, эти глаза под густыми бровями взирали на мир удивительно живо и были пронзительно синего цвета, как цветки вероники, ярким ковром покрывавшие летние луга. Золотые эполеты, прикрепленные к ярко-красной ткани военного мундира, украшали широкие, атлетически развитые плечи, белые бриджи плотно облегали стройные ноги.

Ланс подверг ее столь же внимательному осмотру. Подойдя к ней на этот раз ближе, он удостоверился, что Изабелла Эйнсли действительно необычная девушка. Его покорили свежесть и жизнелюбие ее натуры, выразительное сияние глаз и шаловливый изгиб очаровательных губ. Она была так изумительно, потрясающе красива, что Ланс никак не мог отвести от нее взгляд.

Огромные, широко поставленные глаза, черные как смоль брови вразлет, патрицианский нос, овальное лицо, изящный, чуть заостренный подбородок, гладкая, шелковистая кожа… Царственно поднятая головка, увенчанная пышной копной уложенных в высокую прическу волнистых рыжевато-каштановых волос, украшенных цветами, изысканно подобранными к переливающемуся бирюзовому шелку платья, – все в ее облике говорило о благородном происхождении. Глубокое декольте приоткрывало упругую грудь и атласную гладкость полуобнаженных плеч. Божественно прекрасная молодая женщина, решил Ланс, просто сама красота. Пламя свечей холодным огнем отражалось в бриллиантовом ожерелье на ее шее. Едва Бингхэм заметил бриллианты, глаза его резко прищурились. Юная мисс Эйнсли внезапно захватила его полное и безоговорочное внимание.

Белла застыла, потрясенная столь откровенным осмотром. Ошибается ли она, или его взгляд действительно скользнул по ее груди? Может быть, это все причуды ее не в меру разыгравшегося воображения? Его пристальное изучение ее женских прелестей заставило девушку почувствовать себя так, будто она стоит полностью обнаженной.

Какая наглость, думала Белла со все нарастающим гневом. От него волнами исходило высокомерие, заносчивость и бескомпромиссная властность, говорящая о его значительном положении в обществе или высоком военном звании. Чем бы это ни было, ей эти качества определенно не нравились.

Почувствовав, что внучка неожиданно отвлеклась, графиня повернулась и посмотрела на нее, проследив за направлением взгляда Беллы. На лице бабушки появилась печать сурового недовольства, едва та увидела предмет внимания внучки.

Однако Белла заметила также и другое – странное, испуганное выражение глаз пожилой дамы при виде темноволосого мужчины в военном мундире. Это ее одновременно встревожило и озадачило. Жаль, что она не могла узнать, что за мысли скрываются за столь определенно выраженной озабоченностью.

– Изабелла, – требовательно окликнула ее бабушка, излучая недовольство, – ты слишком долго пожираешь взглядом этого джентльмена. Соберись. На нас смотрят, если ты еще не заметила.

Белла, несомненно, заметила и не смогла побороть изумления, когда незнакомец хитро улыбнулся ее бабушке и отвесил преувеличенно почтительный поклон.

Вдовствующая графиня с облегчением направилась прочь от мужчины, посмевшего смотреть на ее внучку с таким неприкрытым желанием, будто был голодным волком, а Изабелла сытным обедом. Ланс Бингхэм относился к числу тех джентльменов, которых она меньше всего желала бы видеть рядом со своей внучкой. Она слишком много времени и сил потратила, дабы составить этой юной леди хорошую партию, и не могла допустить, чтобы Изабелла стала еще одним завоеванием печально известного лорда Ланса Бингхэма, пятнадцатого графа Райхилла, род которого восходил к эпохе первых Тюдоров и чья репутация оставляла желать лучшего.

Долгие годы слухи связывали его имя с каждой красивой женщиной достойного происхождения в Европе. Прежде чем Бингхэм отправился в Испанию сражаться с войсками французского узурпатора, где бы он ни появлялся, за ним тянулся длинный шлейф разбитых сердец, ибо слово «женитьба» никогда не входило в его лексикон. Графиня совсем не рада была узнать, что лорд Бингхэм вернулся в Англию. Граф Райхилл представлялся ей последним человеком на свете, рядом с которым она хотела бы видеть Изабеллу! Однако были и другие причины, уходящие корнями в далекое прошлое, и стоило пожилой даме посмотреть на бриллиантовое ожерелье на шее Изабеллы, блестевшее в неровном, чуть желтоватом свете тысячи свечей, как она внутренне содрогалась от нахлынувших воспоминаний.

Все это случилось очень много лет назад. Молодые люди даже и не подозревают, какой дурочкой она позволила выставить себя Стюарту Бингхэму, единственному мужчине, которого любила, однако пожилое поколение прекрасно помнит ту печальную историю. В этой ситуации любой намек на связь между внуком Стюарта и Изабеллой мог снова вызвать давно позабытый скандал.

– Кто этот джентльмен, бабушка? – рискнула поинтересоваться Белла, как только они перешли в другое помещение, богато украшенное живыми цветами, наполнившими воздух стойким ароматом.

Графиня повернулась и одарила внучку зловещим взглядом.

– Его зовут полковник Ланс Бингхэм, граф Райхилл, или лорд Бингхэм – титул, который он получил около года назад после смерти своего дяди. Я вовсе не удивлена, что он посмел игнорировать свои обязанности наследника в течение столь долгого времени. Граф лишь недавно вернулся в Лондон… Однако это совсем тебя не касается, поскольку я не позволю, чтобы ты имела с ним хоть что-то общее. Я заметила, как ты смотрела на него, Изабелла. Он и в самом деле дьявольски привлекательный мужчина, но холоден как лед. Мне жаль женщину, которая выйдет за него замуж. Да, сейчас он всеми уважаемый воин, однако, прежде чем отправиться в Испанию, считался первостатейным повесой, знакомства с которым молодым леди вроде тебя стоило опасаться, и я сомневаюсь, что он изменился со времени своего возвращения. Повторяю, я не хочу, чтобы ты имела с ним хоть что-нибудь общее, понимаешь?

Белла кивнула.

– Да, бабушка, – послушно согласилась она, встряхнув головой, чтобы избавиться от образа этого мужчины, мысли о котором продолжали ее будоражить, заставляя строить бесконечные предположения, что именно хотел сказать он этим чувственным взглядом. Сладостная дрожь охватила ее. Лицо Изабеллы залилось яркой краской, и она поспешила избавиться от неподобающих мыслей о красавце графе.

– Прости, я опоздал, Ланс, – раздался спокойный голос позади него. – Проклятье, как же чертовски сложно выбраться из клуба – я так заигрался в кости, что едва смог оторваться! Господи боже мой, да ты только посмотри по сторонам. Похоже, принц-регент пригласил весь Лондон.

Узнав голос своего доброго друга Роланда Гиббона и благодарный ему за то, что тот отвлек его от невеселых дум, Ланс оторвался от разглядывания прекрасной Изабеллы Эйнсли и повернулся к своему собеседнику.

– О, я вижу, ты до сих пор не побрился, – мимоходом заметил Бингхэм, отводя друга в относительно тихое место возле огромного экзотического растения. – И как долго ты собираешься продолжать эту войну против светских приличий и требований моды?

Роланд ухмыльнулся, гордо поглаживая бакенбарды:

– Относительно этого я еще не решил. Мой камердинер ежедневно критикует меня за бороду. Боюсь, что однажды ночью, пока я мирно почиваю в кроватке, он возьмет-таки бритву и побреет меня. Проклятье, Ланс, лондонским денди просто необходим кто-нибудь, кто не побоится бросить им вызов!

Роланд, высокий и худой молодой человек, казался слишком неаккуратным, чтобы его можно было назвать денди. Густая грива его светло-каштановых волос выглядела так, будто нуждалась в расческе, а при взгляде на его костюм возникала мысль, что он ложился спать одетым, что было совсем не далеко от истины, поскольку иногда Роланд оказывался слишком пьян, чтобы раздеться, а камердинер уже спал. Диковатый, заслуживший дурную репутацию, сэр Роланд обладал добрым сердцем и внутренне присущим его натуре очарованием, внушавшим к нему всеобщую любовь и являвшимся причиной того, что он неизменно оказывался приглашенным на все модные светские вечеринки. С Лансом они были близкими друзьями еще со времен совместной учебы в Оксфорде.

– Хорошо, что ты вернулся, Ланс, и согласился принять свое графство. Ты уже побывал в Райхилле?

– Я только что оттуда.

– Твоя матушка будет очень рада твоему возвращению. Она здорова?

Ланс кивнул:

– Она посетила меня в Райхилле, прежде чем отправиться в Ирландию, чтобы навестить Софию. Моя сестра ожидает первого ребенка, и, естественно, матушка настояла на том, чтобы провести это время с ней.

– А твоя дочка – Шарлотта? – осторожно поинтересовался Роланд. – Ты уже видел своего ребенка, я полагаю?

На лице Ланса появилось такое выражение, будто он старался избежать вопросительного взгляда друга.

– Нет, но я могу с полным правом утверждать, что она живет в прекрасных условиях, вокруг нее достаточно взрослых людей, чтобы они ее окончательно избаловали. Она в Ирландии вместе с моей матерью.

Роланд понимал, что не следует докучать другу расспросами о дочери. Этот предмет Бингхэм предпочитал никогда не обсуждать.

– Ты навсегда покончил с военной карьерой?

Ланс кивнул, взглянув на свой костюм:

– Со старым мундиром придется расстаться, однако это лучшее, что есть в наличии, пока портной не снабдит меня новым гардеробом, – надеюсь, уже завтра. После Ватерлоо я намеревался продолжать военную службу, однако, получив известие о смерти дяди и его наследстве, я был вынужден изменить планы. Таким образом, я вышел в отставку и вернулся домой. Я поклялся исполнять все обязанности, связанные с новоприобретенным титулом. Даже мысль о том, что имение может перейти в другие руки, противоречит моему долгу и чести.

– Что же, ты определенно произвел много шума своим возвращением. Все мамаши с дочками брачного возраста немедленно устремили на тебя хищные взгляды. Вот, кстати,

одна из них, – заметил Роланд, указывая на молодую женщину, стоявшую неподалеку в сопровождении своей матери.

Ланс взглянул в их сторону и поприветствовал легким кивком сначала пожилую, а потом молодую леди. Мать чопорно улыбнулась, ее дочка покраснела и захихикала, прикрывшись веером.

– Ну, что я тебе говорил? Ты всегда пользовался успехом у женщин, – как бы между прочим отметил Роланд.

– О, я очень разборчив, Роланд, и склонен долго выбирать, каким кусочком полакомиться. И знаешь, должен тебе сказать, именно этот кусок кажется мне не слишком вкусным. – Ланс отвернулся от молодой леди, выискивая глазами Изабеллу Эйнсли, прогуливавшуюся в окружении толпы поклонников.

Роланд проследил за его взглядом, надеясь обнаружить предмет, внезапно отвлекший внимание друга.

– О, похоже, ты уже выбрал и смотришь на ту леди с явным интересом.

– Ты слишком наблюдателен, Роланд, – коротко ответил Ланс.

Роланд приподнял бровь.

– Что же, оставим все как есть, приятель. Я знаю эту леди?

– Изабелла Эйнсли, внучка вдовствующей графини Харворт, недавно приехавшая из Америки. – Бингхэм не смотрел на друга, однако чувствовал его удивление.

Роланд издал приглушенный недоверчивый возглас.

– Ты слишком долго воевал, мой друг. Увидел прелестное личико и потерял голову. Господь Всемогущий! Ты только что вернулся из Франции, и тебе уже известно, кто она.

Ланс ухмыльнулся:

– Ты же меня знаешь, Роланд, я всегда впереди остальных.

– О, должен тебе заметить, ты умеешь рисковать.

– Кто говорит о риске? Да я и в глаза ее не видел до сегодняшнего вечера.

– Только потому, что сражался с этими чертовыми французами и отсутствовал в Англии. Американская девчонка потрясла весь лондонский свет, и она уж точно не дурочка. Где бы она ни появлялась, мужчины укладываются у ее ног штабелями. Леди получила бесчисленное количество предложений руки еще до того, как стала выходить в свет, и еще больше после своего дебюта. Вдовствующая графиня метит высоко – чем выше титул, тем больше шансов у соискателя.

– И почему меня это совсем не удивляет? – сухо пробормотал Ланс. – Все самое лучшее для знаменитой леди Эйнсли.

– Да, только лучшее. Однако настоящее испытание для каждого кандидата в мужья вовсе не так сложно. Все, что нужно, – завоевать сердце прекрасной леди, а снискав ее благорасположение, если повезет, получить поддержку бабушки. Да, скажу тебе, красота ее действительно несравненна, хотелось бы знать, столь же прекрасна она душой.

– Это, мой дорогой друг, вещь совсем несущественная, – спокойно возразил Ланс. – Меня гораздо более заинтересовало то, что надето на ее хорошенькую шейку.

– Я тоже успел заметить, что сияние бриллиантов лишь подчеркивает ее красоту.

– *Знаменитых* бриллиантов, мой друг.

Роланд с интересом взглянул на Ланса:

– Ах, как любопытно – *те самые* бриллианты. Думаю, над этим следует поразмыслить, приятель. Я считал, что они надежно спрятаны под замок и никогда больше не увидят свет. Теперь понятно. Это определенно объясняет столь сильную притягательность для тебя юной леди. Хотя после всего того, что произошло в прошлом между вашими семьями, я сомневаюсь, что вдовствующая графиня Харворт сочтет имя Бингхэм подходящим для своей внучки.

– Кто говорит о том, что я собираюсь на ней жениться?

– Знаешь, самое время обдумать такую возможность. Мой друг, с годами ты вовсе не становишься моложе. Если намереваешься обзавестись потомством, лучше начать как можно быстрее.

– Я уже обзавелся, Роланд, и после трагической женитьбы на Дельфине далек от мысли искать себе супругу, и не собираюсь заниматься этим еще достаточно долгое время. У меня впереди годы счастливого холостяцкого житья, и я намереваюсь в полной мере насладиться им, прежде чем остановлюсь на одной женщине.

Однако, если Ланс и думал убедить своего друга подобными заявлениями, ему это явно не удалось. Несмотря на стойкое предубеждение света, холостяцкие деньки Бингхэма были давно позади. Граф Райхилл выглядел как ожившее воплощение женских грез. Он был красив губительной красотой и обладал дьявольским обаянием. Проведя несколько лет в армии и проявив храбрость и неустрашимость перед лицом врага, он заслужил многочисленные похвалы сильных мира сего – даже самого Веллингтона. Знания, мастерство и опыт, проявленные в кровавых сражениях, снискали ему славу мудрого стратега и непобедимого противника.

Вернувшийся в Англию Ланс Бингхэм очень сильно отличался от Ланса Бингхэма, некогда покинувшего страну. И перемены эти были просто ошеломительными. В отличие от изнеженного молодого человека, проводившего дни на светских раутах и предававшегося бурным пирушкам в клубах, новый Ланс искрился энергией, выглядел загорелым, мускулистым, чрезвычайно компетентным, наблюдательным и властным. Это было сияние силы, которому не смогла бы противиться любая женщина и которое еще больше добавляло ему привлекательности.

– Любопытно, почему это вдруг старушка решила показать бриллианты, – задумчиво произнес Роланд.

Ланс пожал плечами:

– Я сам задавал себе этот вопрос.

– А ты никогда не пытался вернуть их обратно? Ведь они по праву принадлежат тебе.

– Нет… по крайней мере в последнее время.

– Ну а теперь, когда окончательно обосновался в Англии, ты собираешься их забрать? Хотя я, честно говоря, не представляю, как ты этого добьешься. Заставить старую графиню расстаться с драгоценными бриллиантами – все равно что выжать кровь из приснопамятного камня[2]. Готов поставить свою жизнь на карту, тебе это не удастся.

– Мне вовсе не нужна твоя жизнь, однако всегда готов заключить дружеское пари. Ставлю сто фунтов, что ты ошибаешься. Я добуду эти бриллианты к завтрашнему утру.

Роланд хмыкнул, принимая вызов:

– Давай сойдемся на двухстах фунтах, и я в игре. Люблю заранее выигрышные пари. Однако, если восхитительная мисс Эйнсли вернется в Хампстед после бала, как же тебе удастся справиться со своей задачей?

Ланс невозмутимо пожал плечами:

– Подожди, и сам все увидишь.

Роланд самодовольно улыбнулся:

– Сомневаюсь в твоем успехе. Я навещу тебя завтра, чтобы забрать свой выигрыш. Однако, как бы мне ни хотелось остаться с тобой сейчас и поболтать, я вижу, что очаровательная Аманда, дочь виконта Гренвилла, только что вошла в зал. Если позволишь, я пойду и зарезервирую себе один или два танца, прежде чем ее бальная карта окажется заполненной.

[2] Имеется в виду английская пословица: «You can't get blood out of a stone». Русский аналог: «Из стекла бриллиант не сделаешь».

Оставшись в одиночестве, Ланс задумался над тем, какое удивительное пари он только что заключил, и решил, что если намеревается его выиграть, то следует начать действовать как можно быстрее. Обычно он предпочитал не разбрасываться деньгами без особой нужды, однако были и иные причины, по которым он решился на столь импульсивный шаг. Если ему удастся заполучить бриллианты, это принесет немало пользы. Дело даже не в цене драгоценных камней, стоивших целое состояние, а в том, что он вернет вещь, принадлежащую ему по праву.

Пока пожилая графиня приветствовала своих знакомых, Ланс продолжал наблюдать за дамами Эйнсли. В каждой линии молодого, стройного тела Беллы Эйнсли сквозило высокомерие и презрение, однако ее изящество казалось просто восхитительным. Юная леди была само совершенство, и граф уже решил, что обязательно добьется того, чтобы его ей формально представили. И если этот дракон в облике ее бабушки ему воспрепятствует, то он, Ланс Бингхэм, граф Райхилл, обязательно найдет какой-нибудь способ представиться самому.

Бингхэм был уверен, что во время бала ему удастся в определенный момент увести ее из гомонящей веселой толпы гостей и завлечь в какой-нибудь тихий уголок, где они могли бы выпить шампанского и насладиться легкой беседой, невинным флиртом, который внезапно стал ему столь жизненно необходим.

Глава 2

Белла оказалась покорена великолепием Карлтон-Хаус, выходящего фасадом на южную сторону Пэлл-Мэлл-стрит и граничащего садом с парком Сент-Джеймс.

Изабелла проследовала за бабушкой по величественной лестнице в роскошную и блистательную резиденцию принца-регента. Дворец наполнился гомоном сотен гостей – титулованных, влиятельных и богатых вельмож, политиков, представителей высшего лондонского света, настоящей элиты английского общества. Неискушенная девушка восхищалась великолепной коллекцией собранных во дворце произведений искусства, богато украшенными каминами, люстрами, позвякивающими тысячью сверкающих хрусталиков и сияющими ослепительно-ярким светом, мраморными статуями в изысканно декорированных нишах, зеркалами и позолотой… Белла находила окружавшую ее обстановку волшебно-притягательной и готова была впитывать каждую деталь.

Графиня улыбнулась, заметив написанное на лице внучки восхищенно-изумленное выражение.

– Подожди, пока не увидишь весь дворец – и стол. Еда будет восхитительной, даже невзирая на то, что ей придется так долго путешествовать от кухни до парадной столовой, что она наверняка прибудет холодной. Принц подходит к подготовке этих приемов с богатым воображением, и все обычно оказываются довольными его гостеприимством.

– О, просто невозможно не восхищаться всем этим. Я никогда не видела ничего подобного, – пробормотала ошеломленная девушка.

– Принц всегда подчеркивает, что ни один европейский дворец не может сравниться с Карлтон-Хаус. А что касается большинства гостей, то они не замечают потрясшего тебя великолепия, потому что видят его так часто, что оно уже ничего не значит для них.

– Вы имеете в виду, они его не ценят?

– Не так, как ты. Принц будет доволен.

Белла не произнесла ни слова, упиваясь каждым своим взглядом, ибо действительно ни разу в жизни не видела подобного совершенства. Обеденный стол был покрыт льняными скатертями и уставлен столь изысканными деликатесами, что Белла просто не могла себе этого представить. Стол сиял, лучился и искрился светом, отраженным от многочисленной золотой, серебряной и хрустальной посуды. Он занимал всю длину столовой, уходя в необозримую даль, и заканчивался где-то в оранжерее. Модная ориентальная тема, которую принц избрал на этот раз в качестве лейтмотива вечера, нашла отражение в малейших деталях сервировки и украшения стола. По сторонам от него, через равные промежутки, располагались мелодично журчащие фонтаны, наполненные не водой, а вином.

Напряжение достигло кульминации, когда прибыл принц, выглядевший внушительнее, чем обычно, в роскошном военном мундире, украшенном галунами и обшитым золотой тесьмой. Его глаза добродушно поблескивали, когда он приветствовал собравшихся. Раздался легкий шелест, понеслись многочисленные поклоны и реверансы.

Ожидая, пока ее усадят, Белла осмотрелась, и взгляд ее задержался на лорде Бингхэме, стоявшем в глубине комнаты и беседующим с несколькими юными щеголями. Она принялась незаметно рассматривать его. Да, подумала Изабелла, в этом лице с решительным и твердым подбородком с ямочкой заключалось определенное обаяние мужественности. От нового графа Райхилла исходило ощущение внутренней силы, иногда привлекательное, порой подавляющее, но определенно очень опасное.

Устав от пустой болтовни с приятелями, Ланс разыскал глазами очаровательную Беллу Эйнсли, что, несмотря на огромное количество присутствовавших на приеме гостей, оказалось не так сложно. Изабелла выглядела довольной собой, раздавая улыбки в непринужден-

ной манере прирожденной соблазнительницы, манящей и искушающей, с телом настоящей богини. Ему пришлось с трудом побороть внезапное желание ворваться в круг ее поклонников, увести красавицу в какое-нибудь тихое местечко, обнять ее гибкое, теплое, трепетное тело, прижать к себе и поцелуем сорвать эту непочтительную улыбку с ее нежных, словно застывших в безмолвном приглашении губ.

Белла заняла место рядом со своей бабушкой, лорд Бингхэм сидел с противоположной от нее стороны стола. Она изо всех сил старалась не смотреть на него, однако взгляд ее против воли то и дело скользил в его направлении. Внезапно ему удалось разоблачить ее тайные маневры, и он внимательно уставился на девушку сияющими удивительной теплотой синими глазами. Губы его сложились в небрежную, соблазнительную усмешку, он бросил на нее еще один оценивающий взгляд, слегка склонил голову в шутливом поклоне и приподнял свой бокал.

Даже по сравнению с утомившим ее навязчивым вниманием многочисленных поклонников его интерес показался Изабелле слишком откровенным. Его взор изучал, ласкал, смущал, этот человек буквально пожирал ее глазами.

Пылая от негодования, Белла поджала губы и с выражением крайнего неудовольствия отвернулась, опасаясь, что, если не успокоится и не проявит больше интереса к общему разговору, бабушка заметит все произошедшее.

Вечер действительно был организован великолепно. Продолжая чувствовать на себе осторожное внимание лорда Бингхэма и готовая оцепенеть от охватившего ее волнения, Изабелла пила гораздо больше вина, чем обычно. Казалось, ей не спрятаться от его голодных глаз, и каждый раз их теплое сияние заставляло ее ощущать себя почти обнаженной. Очень скоро она почувствовала, что нервы ее натянуты до предела.

Три часа спустя, когда обед завершился, Белла медленно шла по ярко освещенному саду в сопровождении бабушки. Пожилая дама сильно страдала от духоты и решила, что свежий воздух поможет справиться с головной болью, становившейся просто невыносимой. Графиня также стремилась не спускать взгляд с внучки.

Гости собирались в небольшие группки, чтобы поболтать и обсудить последние слухи, влюбленные парочки искали желанного уединения в тени аккуратно подстриженных кустов садовых аллей. Когда графиня остановилась, чтобы перебросится парой фраз со старой приятельницей, Изабелла, извинившись, отправилась в дамскую комнату. На обратном пути она неожиданно осознала, что впервые со времени прибытия в Карлтон-Хаус оказалась в одиночестве. Завороженная доносившимися из глубины дворца звуками музыки, Белла направилась им навстречу. Вскоре она уже стояла на пороге бального зала, наблюдая за разряженными в шелка и атлас танцующими парами, кружащимися по паркету в пленительном ритме вальса.

Внезапно Изабеллу охватило странное ощущение, будто на нее кто-то смотрит. Это чувство было настолько сильным, что казалось почти материальным. Сзади раздался негромкий, обволакивающий голос:

– Потанцуйте со мной.

Белла обернулась, потрясенная, и офицер материализовался из тени. Она узнала эту насмешливую улыбку – точную копию той, которой он одарил ее, за столом. Голос его был низким и глубоким, словно жидкий мед. Соблазнительные интонации заставляли задуматься о вещах неподобающих юной леди. Казалось, каждое его слово ласковым бальзамом ложится ей на душу. Изабелла вдруг подумала, что вряд ли найдется женщина, способная устоять перед столь обаятельным мужчиной, как сэр Ланс Бингхэм. Однако она попыталась убедить себя, что ей-то нечего волноваться, ибо считала себя неподвластной его мужскому обаянию.

– Это было бы неподобающим. Я вас не знаю.

Ланс улыбнулся ей:

– Что ж, моя прекрасная леди, на самом деле вы меня знаете – а если и нет, я имею честь сообщить вам, что меня зовут Ланс Бингхэм, к вашим услугам. Ну а теперь мое имя кажется вам знакомым?

– Моя бабушка уже сказала мне, кто вы, – холодно произнесла Белла.

– О, она могла.

Изабелла взглянула на него:

– Почему она вас не любит?

Вместо того чтобы оскорбиться, он весело усмехнулся.

– Об этом лучше спросить вашу бабушку. Вы бы нашли ее ответ весьма интересным. – Бингхэм криво ухмыльнулся. – Что же случилось? Проглотили свой язычок?

Она вздернула изящно выгнутую бровь и одарила его угрожающим взглядом, который вместе с ее прекрасной ледяной улыбкой должен был бы заморозить сердце самого пылкого поклонника. Горе тому мужчине, против которого окажется направлен ее праведный гнев.

– Мои дела касаются только меня, а вам, полагаю, лучше заняться своими.

Он усмехнулся:

– Вы откровенны. И очень враждебно настроены. Мне нечасто доводилось встречаться с враждебностью со стороны молодых леди.

– Удивлена.

– Но вас это не впечатляет?

– Нисколько.

Он окинул ее чувственным взглядом:

– Да, мисс Изабелла, вы бросаете мне вызов.

– Неужели?

– Вам кто-нибудь говорил, что вы прелестны?

– Постоянно говорят.

– У вас прекрасные волосы… и чувственные губы.

– Поберегите свое время. Меня это не интересует.

– Мне трудно в это поверить.

– Вы очень убедительны. Вам легко заставить женщину поверить, что вы говорите правду. Должно быть, у вас была богатая практика.

Ланс усмехнулся:

– Вы правы, но сейчас я говорю искренне.

Белла почувствовала, как запылали ее щеки, когда она столкнулась взглядом с его улыбающимися синими глазами.

– А вы потрясающе уверены в себе, милорд.

– Я вижу, вам нелегко принять это, но неужели вы не понимаете, *что* такой мужчина, как я, испытывает в присутствии столь божественно прекрасной женщины?

Белла холодно посмотрела на него:

– Я уверена – все это лишь сладкие речи.

Наклонившись вперед, Ланс поймал ее взгляд, осторожно заглянул в ее глубокие темно-зеленые глаза, и слабая улыбка коснулась его губ.

– Вы превратно меня поняли. А ведь вы пробудили во мне эмоции, которые, как мне казалось, я не в состоянии испытывать. Некоторые из них я могу только приветствовать, другие буду стараться побороть.

– В таком случае вы должны сдерживать свои эмоции, милорд, потому что мне они не интересны.

Он вкрадчиво спросил:

– Неужели?

– Так, значит, вы тщеславны? Тщеславны и дерзки.

Лорд Бингхэм принял оскорбленный вид:

– Вы судите обо мне несправедливо. Ваши слова сильно опечалили меня, повергли в отчаяние. Я всего лишь хотел сделать комплимент вашей несравненной красоте, а вы в ответ клевещете на мой характер. Неужели вы считаете, что я настолько несносен?

– Да, в достаточной степени, – немедленно согласилась она.

– Ну у вас и темперамент, – шутливо проворчал Ланс, покачав головой в насмешливом неодобрении. – А я-то думал, что вы хотите, чтобы я пригласил вас на танец.

Ее глаза расширились.

– Вы и в самом деле решили, будто я жду, чтобы вы меня об этом попросили?

Праведное возмущение мисс Эйнсли вызвало его искренний смех. Оскорбленная, Белла сердито смотрела на него, пока смех не сменился легкой ухмылкой.

– Вы не можете винить недавно вернувшегося с войны солдата за то, что он осмелился надеяться на ваше согласие. Вы и в самом деле самая привлекательная женщина, которую я когда-либо встречал. Так что вы на это скажете? Вы потанцуете со мной?

– Нет. Как я уже вам говорила, вы просто невыносимы. Боюсь, что вы мне не очень нравитесь.

– Ну, может, хоть немного? На самом деле я покажусь вам просто очаровательным, едва вы меня лучше узнаете. Честно признаю, у меня сложилась определенная репутация, но, клянусь, меня оклеветали. Вам не стоит верить всему, что вы обо мне услышите.

Белла взглянула на него с холодным высокомерием. Мгновение спустя на его лице сияла дьявольски заразительная улыбка.

– Вы уверены, что не хотите танцевать?

– Абсолютно, – резко откликнулась она.

– Вы не понимаете, от чего отказываетесь.

– Вероятнее всего, от отдавленных ног.

– О, те времена, когда я наступал даме на ноги, давно позади, Белла.

Сердце ее забилось быстрее, когда она услышала из его уст свое домашнее имя.

– Может быть, и так, но я не хочу рисковать. Я не напрашивалась на то, чтобы вы меня приглашали.

Лорд Бингхэм безмятежно улыбнулся:

– Знаю. Я сам так решил. Ничего не могу с собой поделать – всегда был нетерпелив.

– Меня это совсем не удивляет. Извините, что я вас покидаю, но бабушка уже, вероятно, меня давно разыскивает.

Ланс Бингхэм безукоризненно вежливо, но в то же время насмешливо поклонился. Его ресницы задорно подрагивали, на губах сияла нежная улыбка. Наклонив голову, он приблизился к ней, и Белла почувствовала на шее дуновение его легкого дыхания. До нее донесся свежий запах мыла, смешанный с терпким ароматом его одеколона. Этот мужской аромат опьянял, словно обволакивая ее, лишая способности мыслить и заставляя трепетать каждую клеточку тела. Ланс прижался губами к ее ушку и прошептал:

– Если вы должны – идите, но я не сдамся.

* * *

Полностью оправдывая эти слова, Ланс Бингхэм действительно не собирался отступать от своих намерений. Он ни на минуту не забывал о бриллиантах на прелестной шейке мисс Эйнсли, а ее соблазнительные формы так и стояли перед его глазами – стимул, перед которым он не мог устоять.

Вдовствующая графиня Харворт весь вечер внимательно за ним наблюдала. Она видела, что лорд Бингхэм подходил к Изабелле, и отметила ее отказ. И все же на душе пожилой леди было неспокойно. Бесчисленное множество женщин постоянно окружало Ланса Бингхэма, желая снискать его благорасположение, однако леди Эйнсли показалось, что он обращался со всеми с вежливой терпимостью, тогда как внимание его было всецело приковано к единственной даме в Карлтон-Хаус, на которую, похоже, не действовали его чары, – к ее внучке.

Уже сомневаясь в том, что когда-либо в жизни встречал подобное совершенство, и едва противясь искушению завести интригу с молодой леди, как того требовали все его инстинкты, полчаса спустя после того, как впервые заговорил с ней, Ланс отбросил осторожность и решил подступиться к Белле еще раз.

С того места, где разговаривала с двумя пожилыми леди, приятельницами ее бабушки, оглядевшись по сторонам, Белла заметила среди толпы гостей его высокую фигуру и инстинктивно поняла, что лорд Бингхэм ищет именно ее. Когда же он властно повернул голову в ее сторону и перехватил ее взгляд, на его лице появилась ленивая, самодовольная улыбка. Бингхэм стал уверенно к ней продвигаться, и Изабелла нисколько не удивилась, когда шумная толпа послушно расступилась перед ним, как волны Красного моря перед Моисеем.

Белла снова подняла глаза и вгляделась в его лицо. Он улыбался ей, и при виде яркой синевы его глаз у нее перехватило дыхание. Да, она привыкла к мужскому восхищению, но Ланс Бингхэм был первым, кому удавалось одновременно вызывать ее враждебность и заставлять трепетать все чувства, безоговорочно завладев ее думами. О, конечно, она не могла позволить, чтобы он догадался о ее состоянии, – это совсем не в ее духе, однако в глубине души Изабелла честно себе признавалась, что еще никогда не реагировала так ни на одного мужчину.

– Поскольку вы, похоже, не приглашены на этот танец, я хотел поинтересоваться, не окажете ли вы мне…

Белла надменно вздернула подбородок.

– Благодарю вас, но я в данный момент не танцую.

– Это не укрылось от моего внимания, и потому я здесь. А теперь, если леди позволят…

Отвесив почтенный поклон опешившим от изумления почтенным дамам, Ланс взял Беллу под руку и увлек в самую гущу танцующих пар, где немедленно обнял ее и закружил в вальсе. Изабелла, не привыкшая к тому, чтобы ее принуждали поступать против воли, молча последовала за ним, автоматически проделывая танцевальные па, лишь некоторое время спустя осознав, что делает.

Несколько мгновений они вальсировали в молчании, и Ланс заметил, как искорки света танцуют в ее блестящих волосах, а стройные плечи охвачены нежным, мягким сиянием.

– Ведь это же приятно, правда? – произнес он наконец, и в его голосе прозвучала нескрываемая ирония.

Чувствуя себя неловко в его объятиях, Белла еще больше напряглась, не желая с ним разговаривать. Однако, взглянув в его глаза, забыла о благих намерениях не поддерживать с ним беседу.

– Я была бы вам чрезвычайно обязана, если бы вы не обнимали меня так крепко. Я танцую с вами только потому, что вы насильно вытащили меня на паркет, – произнесла Изабелла в своей самой холодной и снисходительной манере. – Вы всегда столь непочтительно отрываете дам, с которыми вам взбредет в голову потанцевать, от их сопровождающих?

Лорд Бингхэм задумчиво приподнял бровь, взглянув на язвительную красавицу с высоты своего немалого роста. На его устах играла едва заметная улыбка, будто он прекрасно понимал, что происходит у девушки на душе.

– Только тогда, когда полагаю, что они могут отказаться танцевать со мной, или же когда их следует спасать от скучных дуэний.

– Я вовсе не нуждаюсь в том, чтобы меня спасали, как вы прекрасно понимаете, лорд Бингхэм, – дала ему отпор Белла, тщетно пытаясь противостоять тому влиянию, что он на нее оказывал, мужской уверенности его поведения. Однако она, безусловно, сознавала свое невольное эмоциональное возбуждение. Ланс Бингхэм был самоуверенным насмешником, беспечным и необыкновенно привлекательным. – Я была счастлива находиться в компании тех достойных леди.

– Я вам не верю. Кроме того, не каждый день выпадает удача потанцевать с настоящей американкой.

Белла снисходительно взглянула на него и зловеще улыбнулась.

– Лорд Бингхэм, ваше имя почему-то кажется мне знакомым. Понимаете, я знала нескольких Бингхэмов в Чарльстоне. Так вот, все они были презренными ворами и головорезами. Случайно, это не ваши родственники, сэр?

Любезные интонации вовсе не скрывали сквозившей в ее словах презрительной насмешки. На его лице промелькнуло удивление, однако он встретил ее выпад с улыбкой.

– В мире нет ничего невозможного. У меня огромное количество родственников, разбросанных по всему свету. Кто знает? Вполне возможно, некоторые из них осели в Каролине. Между прочим, вы танцуете просто божественно, – пробормотал Бингхэм, еще крепче обхватил свою даму и сделал головокружительный разворот, от чего у нее внезапно перехватило дыхание.

– Не могли бы вы вести себя приличнее? – резко воскликнула Изабелла, отстраняясь от него.

– Я вполне приличен, – прошептал Ланс, и Белла почувствовала щекой его теплое дыхание, когда он вновь притянул ее к себе ближе. – Мы же партнеры. Как мне еще себя вести?

– Не обнимайте меня так крепко. Будьте джентльменом, если это не составит для вас большого труда.

– Джентльменом? – вопросил он, ослепительно сверкая белозубой улыбкой и лениво скользя взглядом по ее нежным губам. – Разве я способен на это? Ведь я всего лишь грубый, невежественный солдат, и мне незнакома светская обходительность. Я могу лишь палить из пушек по врагу и сражаться врукопашную.

– Я вам не верю. Почему из всех присутствующих на балу дам вы пригласили танцевать именно меня?

– А разве вам кажется странным желание мужчины танцевать с самой прекрасной женщиной в этом зале? Вы так хороши, что я просто схожу с ума.

– О, в самом деле, а я даже не подозревала, – съязвила она. – Теперь понимаю, возможно, вы просто желаете подтвердить это.

– Подтвердить?

Белла безмятежно встретила его взгляд. Как бы ей хотелось стереть самодовольную ухмылку с его губ.

– Да, ваше сумасшествие! – Ее голос звучал легкомысленно и небрежно. – Но для этого вовсе не нужно было тащить меня сюда. Хлопья пены у вас на губах с тем же успехом подтвердят данное прискорбное обстоятельство. – Белла проигнорировала веселое и слегка удивленное выражение, мелькнувшее в его взгляде. Она была уверена, что, если бы они не танцевали посреди многолюдного бального зала, он непременно расхохотался бы во весь голос. – Неужели я первая дама, которая отказалась с вами танцевать?

– Признаюсь, я избалован вниманием женщин, которые не приходят в ужас от перспективы потанцевать со мной. А вас, – нашелся Ланс, лишая ее победы в их словесном

поединке, – слишком долго окружали никчемные обожатели, готовые целовать землю, по которой вы ходите, умоляя вашего согласия избрать кого-нибудь из них своим хозяином и господином.

– Господь с вами! Я никогда не назову мужчину своим господином и никому не позволю быть моим хозяином. Когда я выйду замуж, это будут равноправные отношения. Я вовсе не собираюсь строить из себя послушную маленькую женушку, которая ведет себя как покорная служанка.

Ланс недоверчиво посмотрел на нее, и она заметила странный блеск в его глазах.

– Да, от вас этого вряд ли можно ожидать. У вас слишком много восхищенных поклонников, послушных каждому вашему слову, – заметил он и окинул взглядом молодых джентльменов, замеченных им ранее в ее свите. – Должен сказать, мне очень повезло, что вы не сбежали из бального зала, оставив меня стоять в одиночестве.

– Этим необдуманным поступком я могла бы поставить под удар свою репутацию.

Его взгляд скользнул с ее прелестного личика на украшавшее нежную шейку сияющее ожерелье.

– Пусть даже и так. Но вы должны знать, что, если я хочу чего-то, я обязательно возьму это, каковыми бы ни были возможные последствия. – Бингхэм опустил голову и закружил свою партнершу в прощальном туре вальса. Его губы почти касались ее ушка. – Я еще никогда не соблазнял девушку из Чарльстона.

– Неужели? Тогда я вам советую отправиться туда и поискать кого-нибудь на свой вкус. Меня не так просто соблазнить, – дала ему сокрушительный отпор Изабелла, слишком возмущенная и разгневанная, чтобы чувствовать себя оскорбленной.

– Значит, «нет»?

– Определенно «нет». Я не позволю вам прикоснуться ко мне даже для того, чтобы спасти от смертельной опасности.

Ланс окинул ее взглядом, исполненным насмешливого разочарования:

– Я оскорблен и унижен вашими словами, однако все только начинается. Мне доставляет удовольствие процесс охоты. Вы поведете себя совсем по-другому, когда узнаете меня поближе.

Белла готова была испепелить его взглядом.

– С какой стати, вы, тщеславный, высокомерный… да что вы за самовлюбленный, несносный, эгоистичный человек, лорд Бингхэм! Неужели вы отпускаете непристойные высказывания по отношению ко всем леди, с которыми танцуете?

– А вы разве одариваете всех ваших партнеров по танцам подобной враждебностью? Или эту честь заслужил только я?

– Лорд Бингхэм, во-первых, вы – не джентльмен, о чем я уже вам успела заметить. Во-вторых, вы мне не нравитесь. И в-третьих, вы вообще не должны были со мной разговаривать.

– Не должен? – Ее враждебность его ничуть не оскорбила. На самом деле это лишь добавило ему решимости.

– Мы не были представлены должным образом.

– Вас это заботит?

– Нет… не очень, – честно призналась она, поскольку терпеть не могла требований этикета, который с недавних пор управлял каждым ее шагом, связывая по рукам и ногам так, что она не могла и слова сказать без оглядки на светские условности.

– Хорошо. Я тоже. Мне бы хотелось, чтобы вы звали меня Ланс, – попросил Бингхэм, смотря ей в глаза, – поскольку я желаю, чтобы мы познакомились поближе.

– Прошу простить меня, но ваше предложение противоречит основам поведения в обществе, которым бабушка пытается обучить меня с момента моего приезда в эту страну.

Меня учили тому, что следует уважительно обращаться к любому джентльмену, независимо от его положения или степени нашего знакомства.

Ланс надолго задумался, внимательно рассматривая мисс Эйнсли и задаваясь вопросом, почему она отказывается перейти к неформальному общению, несмотря на то что он сам попросил ее об этом.

– Судя по вашему ответу, могу предположить, что вы питаете антипатию к фамильярности.

– Это то, чего вправе потребовать от меня моя бабушка.

– Означает ли это, что вы и сами настаиваете на аналогичном обращении к вам с моей стороны?

– Собираетесь ли вы придерживаться строгих правил этикета, определяющих джентльменское поведение, – исключительно ваше дело.

Лорд Бингхэм удивленно вздернул бровь.

– Боже мой, Белла, но… На случай, если вас это интересует, я знаю, что вас так зовут близкие, поскольку наводил справки и…

– Меня это не интересует, – оборвала она его.

– …но ваша бабушка привержена правилам, которые уже безнадежно устарели, – невозмутимо продолжал он. – Времена изменились – по крайней мере, я на это очень надеюсь.

Белла и представить себе не могла, что ее имя будет звучать так тепло в устах мужчины, равно как и поверить в то, что буквально разомлеет от нежных и мелодичных интонаций его голоса.

– Разве вы не согласны, что если мы хотим узнать друг друга поближе, – продолжал Ланс, снова опуская голову так, что его губы почти касались ее уха, – то можем позволить себе не придерживаться правил, принятых в общении между чужими людьми?

Его хриплый голос, опасная близость губ, теплота дыхания могли окончательно погубить ее. Изабелла залилась краской, ее лицо приобрело пунцово-алый оттенок. В ней осталось еще столько от наивной девчонки, и эти ребяческие качества порою проскальзывали под маской искушенной, светской женщины. А этот мужчина обладал удивительной способностью обнажать ее истинную сущность. Заставив себя собраться, Белла попыталась побороть нахлынувшие на нее эмоции, находя их неприемлемыми.

– Однако мы и есть чужие, лорд Бингхэм, и я предпочитаю, чтобы в дальнейшем так и оставалось. Я убеждена, что вы устроили немало любовных связей, используя подобного рода убедительные доводы. Могу себе представить, как вы преуспели в искусстве соблазнения молоденьких девушек, сбивая их с пути истинного и убеждая забыть про наставления родителей.

В его глазах мелькнул огонек. Она права. Помимо Дельфины у него было много любовных связей – одна или две из них даже продлились больше других, – однако он никогда не придавал им особого значения.

– Вы очень проницательны, Белла, однако сильно ошибаетесь в оценке моего к вам отношения. Я обратил на вас внимание, едва вы появились на балу, и весь вечер желал поговорить с вами.

– Теперь это вам удалось, – заметила Изабелла, погружаясь в созерцание синих глаз, что так манили ее. – И не тешьте себя легкомысленным заблуждением, будто вы чем-то лучше остальных джентльменов, с которыми я сегодня танцевала, потому что это не соответствует действительности. Очевидно, я недостаточно ясно выразила свое нежелание с вами общаться.

Ланс негромко усмехнулся:

– Я думал, вы всего лишь упрямитесь, намереваясь посильнее разжечь мой пыл.

– Я не играю в подобные игры, – горячо возразила она. – Я бы с удовольствием ушла из бального зала и оставила вас в одиночестве, поэтому вам следует быть мне благодарной за то, что я пощадила ваше самолюбие. Моя бабушка сурово отчитает меня, узнав, что я согласилась с вами танцевать.

– Это уже ваши сложности, однако прошу вас, Белла, запомните, что я никогда не бегаю от разъяренных пожилых дам, как бы громко и откровенно они ни высказывали свое неудовольствие. Ее неприязнь ко мне ничем не обоснована.

– Моя бабушка никогда не говорила, что испытывает к вам неприязнь, равно как никогда и никого не обвиняла без достаточных на то оснований. А вы, конечно, просто невинный агнец и не заслуживаете и капли порицания.

В его глазах плясали дьявольские огоньки, он одарил ее ленивой, соблазнительной улыбкой.

– О, я совсем не невинен – на самом деле я далек от этого.

– С трудом представляю себе, чтобы вы хоть в чем-нибудь признались.

– Не верите – могу вам показать. – Лорд Бингхэм смотрел на нее веселым, насмешливым взглядом.

– У вас нет ни малейшего шанса.

– Вам понравилось гостеприимство принца?

Изабелла отважно взглянула на него, вскинув густые, длинные ресницы, ее губы приоткрылись, язычок показался между превосходной белизны зубами, и предательский румянец окрасил щеки в розовый цвет.

– О да, очень понравилось, принц Георг производит впечатление очаровательного человека – в отличие от некоторых его гостей.

– Да? Неужели вы имеете в виду кого-нибудь персонально?

– Полагаю, мне не надо называть вам его имя, не правда ли? Принц обладает потрясающей способностью устраивать восхитительные вечера.

Ланс окинул ее проницательным взором:

– Итак, Белла Эйнсли, бабушка предупреждала вас о том, чтобы вы были со мной осторожны?

Белла откинулась назад и взглянула на своего партнера по танцу. При виде его язвительной ухмылки она осознала неосмотрительность своих мелких уколов. Лорд Ланс Бингхэм всем своим поведением доказывал, что он не джентльмен и всегда поступает так, как ему захочется. Изабелла испытывала непреодолимое желание хоть как-то поколебать его наглую самоуверенность.

– Даже если это и так, то только потому, что у вас сложилась определенная репутация. Бабушка не упускает меня из виду, поскольку каждый лондонский джентльмен, по ее мнению, имеет на мой счет свои намерения. Она не возражает, если это порядочный джентльмен, и постоянно повторяет мне, что сезоны задуманы для того, чтобы молодые леди нашли себе мужей.

– И это правда. Иначе к чему они?

– В самом деле, однако, боюсь, на данный момент у меня столько претендентов на руку и сердце, что я не знаю, как с ними поступить. Бабушка уделяет много внимания приличиям. Все должно быть сделано безупречно, с соблюдением малейших тонкостей этикета.

– А вы? Вам хотелось покидать Америку?

– Нет. Там был мой дом, где я хотела бы и остаться, однако после кончины отца бабушка, ставшая моим опекуном, настояла на моем возвращении в Англию.

– Что же, я очень рад тому, что она это сделала.

– Не представляю, почему вы радуетесь, поскольку, похоже, бабушка испытывает к вам искреннюю неприязнь и приложит все усилия, чтобы мы не оказывались с вами в одном обществе.

Лорд Бингхэм покачал головой, словно отметая ее возражения.

– Если я захочу узнать вас поближе, Белла, ваша бабушка будет не в силах ничего с этим поделать, – проговорил он глубоким, бархатным голосом.

Бал продолжался, танцующие пары вдохновенно кружили, однако Ланс Бингхэм и Белла Эйнсли их словно не замечали. Они представляли собой потрясающее зрелище. Эта прекрасная пара излучала поток энергии, от них исходил некий притягательный магнетизм. Он – высокий, стройный красавец, она – прелестная, очаровательная молодая леди. Именно так думали о них все присутствующие на балу, все, за исключением вдовствующей графини Харворт. Сидя в кругу элегантных пожилых леди и джентльменов, составлявших ее собственную свиту, и наблюдая за тем, как ее упрямая, своевольная внучка парит по блестящему паркету бального зала в объятиях небезызвестного лорда Бингхэма, она смотрела на вызвавшую всеобщий интерес пару с нескрываемым осуждением.

Едва сдерживая гнев, графиня заметила, что появление знаменитых бриллиантов также дало повод многочисленным приглушенным ремаркам и завистливым взглядам – и не в последнюю очередь со стороны Ланса Бингхэма. В воздухе роились многочисленные предположения и гипотезы. Пригласив мисс Изабеллу Эйнсли на танец, лорд Бингхэм произвел эффект разорвавшегося снаряда, возвестив всему свету, что многолетняя вражда якобы позабыта. Эта невыносимая мысль не давала покоя пожилой графине.

Белла плыла по паркету, кружась в ритме наполнившей зал волшебной музыки, замирая в объятиях мужчины, танцевавшего с легкостью и грацией человека, имеющего большой опыт в вальсировании. Ланс был прекрасным танцором, и его легкие шаги неуклонно поспевали в такт хорошо знакомой мелодии. Белла ощущала упругие мускулы под толстым сукном его офицерского мундира, и пальцы ее дрожали от каждого прикосновения.

Музыка смолкла, лорд Бингхэм вынужден был выпустить ее из своих объятий, однако совсем не желал расставаться с прелестной красавицей.

– Осмелитесь ли вы нарушить волю бабушки и снова потанцевать со мной?

– С какой стати? Вы меня приглашаете?

– А вам бы этого хотелось?

– Да, только для того, чтобы иметь удовольствие вам отказать.

Он усмехнулся:

– Не навредите себе, желая навредить другому, Белла.

– Не льстите себе. Одного танца с вами вполне достаточно. Прошу простить меня. Думаю, наша краткая встреча чересчур затянулась.

Изабелла отвернулась, намереваясь его покинуть, однако Ланс поймал ее за руку:

– Подождите.

Она резко повернулась:

– Что?

– Правила этикета требуют, чтобы я проводил вас обратно к вашей бабушке: или вы уже успели забыть все то, чему вас учили?

– Уверены, что вы этого хотите? У вас достанет храбрости?

– Если у меня нашлось ее достаточно, чтобы сразиться с Наполеоном на поле битвы, поединок с вашей бабушкой – просто детская игра.

Белла вопросительно приподняла бровь.

– Вы так думаете? Не желаете ли вы сказать ей об этом? Или лучше я сама?

– Не стоит беспокоиться. Вашей бабушке может показаться оскорбительным сравнение с могущественным императором.

– О, не думаю. Они оба обладают завидным мужеством и решимостью и не боятся своих врагов. Думаю, они неплохо бы поладили друг с другом. – Она надменно вскинула голову. – Полагаю, вам следует вернуть меня бабушке – будет интересно посмотреть на эту сцену.

Взяв за руку, Ланс повел Изабеллу прочь из тесного круга танцующих. Он чувствовал, что юная мисс Эйнсли убеждена, будто может поступать так, как ей заблагорассудится, и над ней словно витал некий дух опасности. Ничто не в силах сломить упрямую молодую леди, размышлял Ланс. Он готов был побиться об заклад, она умеет давать сдачу. Однако Изабелла Эйнсли все еще оставалась слишком юной и впечатлительной – трепетно замершей на пороге подлинной женственности. Эта мисс Эйнсли недолго останется в девицах. При дворе принца-регента найдется немало привлекательных молодых джентльменов, которые охотно возьмут в жены прелестную внучку вдовствующей графини Харворт. Белла думает, что раскусила его. Лорд Бингхэм улыбнулся, уверенный в своей власти над женщинами. Да она просто зеленый новичок по сравнению с ним.

Ему нравились опытные женщины, знающие, как доставить удовольствие его зрелому, сексуальному телу. Нет сомнений, Белла Эйнсли будет очень хороша в постели. Однако ей следует дать понять, что именно он, Ланс Бингхэм, здесь главный.

Любезно улыбнувшись, Ланс поклонился леди Эйнсли:

– Ваша внучка танцует просто божественно, графиня. Надеюсь, вы простите меня за то, что я ее похитил. Я проявил некоторую опрометчивость, столь стремительно уведя ее в бальный зал.

Пожилая леди наградила его одним из своих снисходительных кислых взглядов, которыми она была известна – и которых боялись – в свете. Сохраняя внешнюю невозмутимость, графиня ощутила болезненное содрогание внутри – ей показалось, что время повернулось вспять. Ослепительно красивое лицо Ланса Бингхэма с благородными чертами, его высокая широкоплечая фигура напомнили графине его деда. Она была просто потрясена этим сходством. Молодой граф обладал той же улыбкой, которую леди Эйнсли всегда находила столь смущающей. Эта улыбка столько всего обещала и так мало значила.

– Да, несомненно, проявили. Итак, полковник Бингхэм, вы вернулись из Франции.

– Как видите, графиня. И мне доставляет особенную честь возможность возобновить наше знакомство.

– Вы вернулись навсегда?

– Надеюсь.

– Вы уже были в Райхилле?

– Да, однако в настоящее время неотложные дела призвали меня в Лондон.

– Веллингтон и принц Георг часто восхваляли ваши военные таланты. Согласно всем сообщениям, ваш полк представлял собой блестящий пример хорошо обученного и дисциплинированного военного подразделения и отличился особой храбростью и доблестью, особенно в битве при Ватерлоо. Вас можно поздравить, лорд Бингхэм.

– Не более чем любого другого участника этого сражении. Ватерлоо – великая победа герцога Веллингтона. Любой офицер должен гордиться честью служить под его командованием. Вам известно, как развивались события?

– Я читаю газеты, – напыщенно ответила графиня.

– Конечно читаете. – Ланс перевел взгляд на Беллу. – Я буду польщен, если вы доставите мне честь, позволив пригласить вашу внучку еще на один танец, графиня.

– Могу себе это представить. Однако, мне кажется, ее бальная карточка заполнена. Уверена, вам без труда удастся отыскать какую-нибудь другую молодую леди, которая охотно согласится подарить вам танец.

– Да, графиня, я также в этом уверен. – Он еще раз посмотрел на Беллу и низко склонился в любезном поклоне. – Мне доставило большое удовольствие танцевать с вами, мисс Эйнсли. Вечер еще не закончился. Кто знает? Всякое может случиться. – Не удостоив Изабеллу больше и словом и даже не взглянув на нее на прощание, он поклонился и удалился прочь.

Решительно намереваясь посвятить себя тому, чтобы держать Ланса Бингхэма подальше от Изабеллы, а также учитывая свое давнее желание отправиться в родовое имение Эйнсли в Вилтшире в конце сезона, графиня пришла к выводу, что это вполне возможно осуществить в ближайшие несколько дней. Хотя даже в Вилтшире нельзя было полностью гарантировать, что Изабелла окажется в безопасности от внимания лорда Бингхэма, если этот хитрый плут задумает повидать ее.

– Если лорд Бингхэм вновь попытается к тебе приблизиться, Изабелла, ты не должна иметь с ним ничего общего. Этот человек считает, что ему позволено все, и я не хочу, чтобы он причинил тебе вред. У него просто море обаяния, однако ты обязана держаться от него подальше. Ты поняла меня?

– Да, бабушка, – послушно ответила Белла, прекрасно сознавая, что, если лорд Бингхэм вновь решит подойти к ней, она будет не в силах ему помешать.

Между тем вечер продолжался, и Ланс Бингхэм издали наблюдал за Беллой Эйнсли, не предпринимая пока попыток к ней подобраться, хотя это и не имело никакого отношения к недовольству ее бабушки. Чем усерднее он старался забыть Изабеллу, тем сложнее ему было это сделать. Леди вызывала в нем сильнейшее желание, а ведь он еще даже не поцеловал ее, не говоря уже о том, чтобы овладеть. Но он сделает это. Непременно сделает. Тем не менее, с полным правом считая себя опытным в общении с женщинами, Ланс понимал, когда следует не торопить события. Все его чувства сигналили ему о том, что сейчас надо отступить.

Однако он продолжал следить за ней с недремлющим вниманием, вновь и вновь привлеченный ее вызывающей чувственностью, пока она танцевала с таким количеством джентльменов, что вряд ли могла всех и упомнить. В ней была некая естественная изысканность и в то же время бьющая ключом живость – сочетание, безошибочно притягивающее к ней мужской интерес. Лансу доставляло несказанное удовольствие смотреть на нее, наслаждаться ее жизнелюбием, видеть ее чуть запрокинутое назад, смеющееся лицо, мысленно прикасаться к покоящимся на ее нежной шее бриллиантам – тайная, молчаливая улыбка не сходила с его губ.

Вечер уже близился к концу, когда Ланс заметил, что Изабелла стоит в одиночестве, прислонившись к колонне. Он окинул ее пристальным взглядом, стараясь не упустить ни малейшей детали. Встав у нее за спиной, Ланс нежно, едва касаясь, провел искусными пальцами по ее шейке. Она не отстранилась, и его движения стали увереннее.

Белла узнала аромат его одеколона. Она вздрогнула, затаив дыхание, щеки покрылись ярким румянцем. Мысленно отдав себе приказ немедленно отстраниться, она не смогла тем не менее пошевелить и пальцем. Ее била дрожь. В голове шумело, мысли путались… Скоро и их не осталось, лишь странные, необычайно сильные реакции. А грудь… Господи, как его прикосновения, ласки могли достигнуть груди? И все-таки ему это удалось – Изабелле вдруг нестерпимо захотелось, чтобы он дотронулся до ее изнывающих от незнакомого ощущения грудей. Она с огромным трудом подавила желание схватить его ладонь и притянуть к себе ближе.

Странные ощущения нарастали, окутывая ее мягким, почти невесомым облаком. Нежное покалывание опустилось ниже, захватывая низ живота, внутреннюю поверхность бедер. Собравшись с силами, она отодвинулась, прервав его ласки, однако не слишком убедительно.

– Вы превзошли себя, сэр, – прошептала Изабелла, так и не обретя дыхание.

– Но вам понравились мои прикосновения, Белла, ведь так? – Ланс шептал ей на ухо убедительным, страстным голосом. – Разве вы будете отрицать, что каждый из нас получает удовольствие, когда мы вместе?

Странным образом не чувствуя к нему неприязни или обиды, Белла повернулась и принялась украдкой его изучать. Его откровенные взгляды что-то пробудили внутри ее, и ощущение это нельзя было назвать неприятным.

– Вы слишком спешите. Я едва с вами знакома.

Глаза Ланса сияли дьявольским весельем, губы тронула мягкая улыбка.

– Вы правы. Однако вам следует позволить нам узнать друг друга лучше. Вы можете стать светом моей жизни. Пощадите меня.

Белла вздернула подбородок.

– Вряд ли я буду первой или единственной. Я не могу упускать из виду, что вы известный ветреник, лорд Бингхэм и, возможно, говорили эти слова уже стольким женщинам, что и не сосчитать.

– Не могу с вами спорить – но тогда я еще вас не встретил. Вы потрясли меня. Меня влечет к вам. Я уже очень давно не говорил женщине подобных слов.

Смущенная нежной теплотой его взгляда и откровенными речами, Белла была взволнована тем, что он сказал. Не представлялось возможным понять, насмехается над ней лорд Бингхэм или говорит правду. Он не был похож на известных ей мужчин. Когда она хотела оскорбить его, ранить жестокими словами, этот непонятный человек воспринимал ее выпады с юмором и терпением, продолжая осыпать комплиментами.

– Вы должны простить мне, если я выгляжу смущенной. *Вы* смутили меня.

Заметное смягчение ее манер лишь усиливало притягательность красоты Изабеллы, и Ланс откровенно пожирал ее взглядом, ободренный ее словами. Он наклонился к ней, нежно касаясь губами уха.

– По крайней мере, в нас есть что-то общее.

Его теплое дыхание заставляло трепетать ее плоть, груди покалывало от необычного возбуждения. Она с трудом могла совладать со своими чувствами. Да что с ней творится? Неужели она выпила слишком много шампанского и теперь ощущает его действие?

– Неужели вам так сложно представить себе, что мы можем стать любовниками? – мягко спросил он. – Я нахожу вас просто восхитительной, и все равно вы выглядите испуганной. Вы боитесь меня – или вас страшит нечто другое?

Нежность, звучащая в интонациях его низкого, глубокого голоса, производила на нее тот же эффект, что и прикосновения его пальцев к ее шее.

– Я не боюсь, – ответила Изабелла, пытаясь вернуть контроль над собой и над ситуацией, – и на меня совсем не действуют ваши речи. Я понимаю, что все это для вас лишь игра.

– Лгунья. – Соблазнительная улыбка зажглась на его привлекательном лице. – Признайте это. Вы боитесь – боитесь тех чувств, что я в вас пробуждаю.

– Лорд Бингхэм, – едва слышно промолвила она, – я вовсе не доступная женщина и уж точно не собираюсь отдавать себя вам. А теперь, пожалуйста, уходите, прежде чем моя бабушка увидит нас вместе. Вы даже не представляете себе, как она разгневается.

– О, я прекрасно себе это представляю.

– Тогда вы должны соблюдать осмотрительность и оставить меня в одиночестве.

Он вышел из-за колонны и встал перед Изабеллой, не сводя с нее внимательных, чарующих глаз.

– Бросьте, вы совсем не это имеете в виду.

Из последних сил Белла пыталась собраться, прийти в себя, однако его взгляд пробивал брешь в ее тщательно выстроенной обороне.

– Бабушка сказала, что мне не следует иметь с вами ничего общего. Я начинаю думать, что она права.

Ланс издал приглушенный смешок.

– Она боится, что я собью вас с пути истинного? Это так, Белла?

Она смерила его спокойным взглядом:

– Думаю, да, но это ведь не единственная причина, не так ли? Мое шестое чувство говорит мне, что есть и другие обстоятельства, заставляющие ее испытывать к вам неприязнь.

– Ваше шестое чувство вызывает уважение.

– Так, значит, я права.

Лорд Бингхэм смотрел на нее, глаза его лучились весельем, он откровенно улыбался. Встретившись с ним взглядом, Белла была поражена его чувственной мужской красотой. А потом ее потрясло нечто другое, нечто очень сильное и яростное – это был дикий, неконтролируемый всплеск эмоций, эмоций по отношению к нему.

Белла не вполне поняла, что это, однако ей пришлось признать реальность произошедшего – оно было поразительным, неожиданным и абсолютно новым. Сегодняшний вечер – приглашение в Карлтон-Хаус, привилегия находиться здесь, разноцветная толпа гостей, музыка, смех, шампанское – все это казалось в высшей степени не похожим на испытываемое ею прежде. Новые впечатления усилили ее эмоции, она словно обрела незнакомую прежде чувствительность, безрассудство и стремление к опасности. Изабелла со всей очевидностью сознавала – а по его глазам она поняла, что они оба сознавали это, – случившееся изменило их, стало новым и важным шагом, началом чего-то большего. Однако столь же ясно ей было понятно, что она должна не допустить повторения этого чувства, обязана с ним бороться, не дать овладеть собой.

Глава 3

Когда их экипаж наконец подъехал к парадному входу Карлтон-Хаус, Белла была этому искренне рада. Ноги ее ныли, и она едва передвигала ими от усталости, не в силах дождаться момента, когда сможет лечь в постель. Мисс Эйнсли пришлось возвращаться домой одной, в сопровождении грумов, поскольку головная боль, терзавшая с начала вечера ее бабушку, усилилась. Пожилая дама почувствовала себя так плохо, что леди Чэннинг, ее ближайшая подруга, пригласила графиню провести ночь в своем лондонском доме. Леди Эйнсли не планировала возвращаться домой до наступления следующего вечера.

Два вооруженных лакея заняли свое место на запятках, вдовствующая графиня Харворт не любила полагаться на удачу, когда путешествовала затемно, кучер натянул вожжи, и экипаж тронулся в путь.

Следовало опасаться не только разбойников. По дорогам бродило много неудовлетворенных нынешней своей жизнью солдат, прежде служивших верой и правдой отечеству, однако после увольнения из своих подразделений вынужденных вести жалкую и обездоленную жизнь в городских трущобах. Многие из них выходили на дорогу и грабили, освобождая карманы аристократов от всего ценного, чтобы потом снова затаиться по темным городским закоулкам.

Налетел порыв резкого ветра, разметав по небу тяжелые, дождевые облака. Луна скрылась за тучи, ее бледный, рассеянный свет едва пробивался сквозь серую, мрачную вуаль. Карета Эйнсли выехала из Лондона и направилась на север. Дом вдовствующей графини располагался вблизи живописных предместий Хампстеда, отстоявших довольно далеко от Лондона. В оранжевом свете газовых каретных фонарей нависавшие над проселочной дорогой деревья, казалось, принимали странные, причудливо перемещающиеся формы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.